

Программа "Новые имена" представляет

Александр
КОЛОМИЙЦЕВ

С

тановление

Роман

Александр Коломийцев

Становление

Издательство «Союз писателей»
2016

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Коломийцев А.

Становление / А. Коломийцев — Издательство «Союз писателей», 2016

Александр Коломийцев – отнюдь не новое имя в современной русской литературе. С 2010 года писатель пробует себя в различных жанрах, его романы, повести, рассказы, миниатюры знакомы читателю. В определенном смысле Коломийцева можно отнести к авторам молодым, для которых писательство стало основным занятием, второй профессией сравнительно недавно. Новый его роман – "Становление" – из категории "серьезных", тех, что, к сожалению, постепенно уходят с полок книжных магазинов, уступая место всякого рода псевдоисторическим любовным романам, городским детективам, потусторонней фантастике, ужасам, легковесному чтиву, пустоцвету, что гнездятся на прилавках, появляясь там на потребу публике подобно пицце для "перекуса". ... В таежный поселок приезжает молодой специалист, направленный туда по распределению. Ему не терпится окунуться в "настоящую жизнь" экспедиции, занимающейся бурением скважин на предмет поиска в сибирской глухомани полезных ископаемых, золота, бокситов, железной руды. "Перестройка" в геологоразведочной отрасли складывается непросто, нужны специалисты с новыми знаниями, нужны новые технологии бурения, нужны руководители нового типа, призванные заменить практиков предпенсионного возраста, нужны люди с образованием. Вот этот путь по воле автора и предстоит пройти Алексею Мезенцеву: – Ты пойми, Алексей Константинович, простую истину. Чтобы стать полноценным руководителем, надо пройти школу производства, путь от «а» до «я». Руководитель не выращивается как искусственный кристалл в исследовательской лаборатории, руководителем можно стать только на производстве. Как станешь руководить людьми, если не знаешь их труд изнутри? Пойми, руководителем не становятся по щучьему велению, становление, это труд. Пересказывать сюжет

романа, очевидно, нет необходимости, его действие происходит в 70-е годы прошлого века, годы т. н. "брежневского застоя", и название достаточно точно отражает содержание. Не боясь ошибиться, можно предположить, что автор однажды оказался в примерно такой же ситуации, что и герой повествования. Зарисовки повседневных трудовых будней и быта затерянного в глуши поселка Таежный, Глухарного участка, открывающиеся перед нами на страницах романа, – реалистичны и правдивы. Если говорить о "рабочем процессе", тонкостях технологии бурения, – на что автор обращает большое внимание, – можно только поражаться точности используемой терминологии, профессионального жаргона. Иной раз кажется, что детали, подробности излишни... работа есть работа... Ан нет, все к месту, пригнано тютелька в тютельку и не вызывает отторжения, наоборот, придает достоверность происходящему. Читается роман с неослабевающим интересом. Написан он как бы от "третьего лица", однако всю картину мы видим глазами главного героя. Как гадкий утенок трансформируется в белого лебедя, тот вырастает из пеленок стажера, становится руководителем пока что низового уровня, но, несомненно, все у него впереди.

УДК 82-31

ББК 84 (2 Рос=Рус)

© Коломийцев А., 2016

© Издательство «Союз
писателей», 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Становление Александр Коломийцев

Глава 1

1

Небо низко нависало над измученной землёй. Грязно-бурые, размокшие тучи бесконечной чередой ползли с юго-запада. Казалось, взберись на лиственницу повыше, протяни руку, и выхватишь из разбухшего небесного брюха разлатую лохматину. Всякая живность затаилась, спряталась от подступающего ненастья, даже работяги дятлы и бестолковые сойки не нарушали мрачную тишину.

По разбитой грунтовке, надсадно подвывая двигателем, из пихтача выкарабкался облепленный грязью грузовик-вездеход под брезентовым тентом. По извилистой колее, пересекавшей пологий спуск, грузовик подобрался к самой воде, и остановился, уставившись в волны пустым взглядом лупоглазых фар, приобретя сходство с принюхивающимся, сторожким зверем. Водитель заглушил двигатель и под тент проник шум беспокойной реки. Молодой пассажир, находившийся в кузове, утомлённый прелестями езды по осеннему таёжному просёлку, поставил на деревянную скамью картонную коробку, которую всё время путешествия держал на коленях, и с надеждой выглянул в узкое удлиненное оконце. Но стекло, не мытое с самого сотворения мира, скорее скрывало наружный вид, чем позволяло взгляду обозреть окрестности.

Мезенцев подошёл к переднему борту, и, отстегнув клапан в брезентовой стенке, выставил голову наружу, предполагая увидеть конечный пункт маршрута. Прямо перед автомашиной метров на семьдесят ширился плёс, правее река суживалась и бурлила на перекате, далее, примерно в полукilометре, берега близко подступали друг к другу, здесь их разделял настоящий горный поток не более трёх десятков метров шириной. Река с разгону ударялась в высоченный утёс, и круто забирала вправо. Склоны утёса покрывал редкий кустарник, непонятным образом удерживавшийся на отвесной стене, у каменной преграды дыбились беспорядочные волны с клочками грязной пены. Шум бьющихся о камень струй наполнял пространство, усиливая тягостное впечатление мрачного осеннего дня. Левее, метрах в ста, на противоположном берегу, в Лосьву, название реки Мезенцев узнал накануне, впадал ручей. Устье притока скрывали заросли тальника и ольшаника. Тёмные ветви, витые стволы тоскливо топорщились над водой. Крутизну противоположного берега обрезала терраса. Над самой водой росли могучие берёзы с искривленными, покрытыми тёмными наростами стволами. За террасой темнел пихтач, разбавленный лиственницами и осинником. С бродя на террасу вёл каменистый въезд, прорезавший крутизну наискосок. Речная вода казалась тёмной и густой, но шуга, вызвавшая на базе перед выездом неожиданную перебранку, ещё не появилась, лишь на тихих береговых краях поблёскивал робкий, объединенный течением ледок. Всё это Мезенцев рассмотрел в три минуты, буровая скрывалась за деревьями, и, несмотря на все старания, взгляд не смог её отыскать.

Водитель, разбитной татарин Яшка, и технорук, очевидно, совещались, прикидывая глубину напитанной осенними дождями реки. По известным им приметам глубина была определена как безопасная. Заурчал мотор, скрежетнула передача, и, пуская по течению грязные разводы, колёса ГАЗ-66 омочились водой. Вода быстро дошла до ступиц, но держалась примерно на одном уровне, то, пряча их, то, опускаясь ниже. Перед самым берегом дно круто

ушло вниз, колёса полностью скрылись, и последний десяток метров автомашина преодолела с натугой, затем сразу, едва не скачком, выбралась на откос. На террасе автомобиль поминутно попадал в рытвины, но не обращая внимания на чувствительные толчки, пассажир не оставлял свой пост, удерживаясь обеими руками за борт и жадно рассматривал открывающиеся взору виды. Река, тайга, даже колдобины и ухабы становились частью его жизни. Очень скоро ему самому придётся решать вопросы о переправах, снабжении буровых через капризную реку, и ему хотелось, желалось поскорей окунуться в эту наполненную волнениями и неожиданностями круговерть, ощутить биение настоящей жизни. Восприятие находилось в активной фазе, всякая мелочь приобретала важный значительный смысл.

2

В Таёжный посёлок Мезенцев приехал вчера на поезде. Утром прибыл в Северотурьинск, где располагалась база экспедиции, а в обед уже садился на поезд, двигавшийся в обратном направлении. В Северотурьинск поезд приходил в семь утра с минутами, и свою остановку Мезенцев едва не проспал. С вечера не давала заснуть весёлая компания северян, возвращавшаяся из отпуска, а среди ночи у молодой пары, занимавшей нижние полки, расплакался ребёнок. Около шести Мезенцев решил более не маяться, умыться, перекурить, и ждать своей остановки. С мечтами о чашке кофе безотчётно отдался минутному забытию, и очнулся от заполошного крика: «Северотурьинск! Подъезжаем! Кто до Северотурьинска? На выход!» В проходе стояла толстая проводница, щурившаяся в неверном свете ночника, и вглядывалась в пассажиров. В тягучих сновидениях, – Мезенцев сдавал и никак не мог сдать экзамен по «военке» – появился просвет и действительность сфокусировалась. Толстуха говорила нормальным тоном, пронзительно вопил младенец с нижней полки, каким-то неведомым образом их голоса совместились. За окном уже проплывали станционные постройки, и когда Мезенцев спросонья, впопыхах не попадая в рукава, напяливал пальто, поезд утишил бег и жёстко брякал сцепками. Утренний туалет сопрягался с некоторыми трудностями. Из всех удобств на северотурьинском вокзале в квадратном зале ожидания, заставленном диванчиками, покрытых жёлтым лаком с выцарапанными именами амбициозных пассажиров, имелась лишь раковина. На стене над раковиной висела эмалированная табличка, строго настроенная запрещавшая умываться и мыть посуду. Первое впечатление надолго оседает в памяти людей, и появляться в первый раз на будущем месте работы заспанным, неумытым вахлаком не хотелось. Зал ожидания пустовал, но не столько из опасения платить десятирублёвый штраф, сколько не желая начинать день с конфликта с младшим обслуживающим персоналом, имеющим привычку появляться совершенно неожиданно и шумливо вставать грудью на защиту правил и инструкций, Мезенцев извлёк из рюкзака кружку, и, наполнив её водой, вышел в пристанционный дворик. Наступал серенький октябрьский день, жёлто-оранжевый свет фонарей растворялся в блеклом рассвете. Мезенцев облюбовал стоявшую у голубой ёлочки зелёную скамейку с налипшими берёзовыми листьями, и приступил к утреннему туалету. По мокрому асфальту прошлёпала кирзовыми сапогами серая тётка в форменной ватной куртке с эмблемой МПС на рукаве. Умывающийся пассажир возбудил у тётки необъяснимое любопытство, и до самого конца аллеи железнодорожница шла, оглядываясь, зародив у пассажира неодолимое желание показать язык. Не удовлетворившись скудным умыванием, пассажир капнул на платок «Шипром» и протёр лицо одеколоном. Станционный буфет открывался в десять часов, и пришлось довольствоваться куском чёрствой булки и чаем из термоса, предусмотрительно заваренным накануне вечером. За ночь чай настоялся и вполне годился для заварки. Холодный воздух, умывание, крепчайший чай разогнали сонную одурь, и, почувствовав себя посвежевшим, Мезенцев приступил к поискам экспедиции.

База экспедиции находилась на окраине городка, образуя автономный посёлок. Довёз к ней новенький «ПАЗ» северного исполнения. Ни кондуктора, ни кассы в автобусе не имелось. На капоте стояла белая картонная коробка с мелочью, рядом лежал билетный рулончик. Пассажиры бросали в коробку деньги, сами отсчитывали сдачу, сами отрывали билеты, последнее делали далеко не все. Расплатившись, большинство приговаривали с усмешкой: «Да на кой он мне, билет этот!»

В экспедиции дело решилось быстро. Кадровичка внимательно прочитала направление, что-то отметила в большой книге, тут же последовал звонок главному инженеру. Через полчаса, дождавшись завершения утренней сутолоки, знаменовавшей начало всякого рабочего дня, как бы скрупулёзно он ни был распланирован накануне, новоприбывший молодой специалист сидел в довольно обширном кабинете со стеклянными книжными шкафами у стен и двумя письменными столами, составленными буквой «Г». Напротив него располагался тщательно выбритый моложавый мужчина с чётким пробором в аккуратно причёсанных тёмно-русых волосах. Фигуру хозяина кабинета облекал коричневый костюм, нейлоновая рубашка цвета недозревших кедровых орехов. Довершал гардероб туго повязанный тёмно красный галстук и массивное золотое кольцо на безымянном пальце правой руки. Обоняние посетителя улавливало запах мужской парфюмерии.

Тепло, наполнявшее здание экспедиции, съело утреннюю свежесть. После дороги – поезда, самолёта, опять поезда, вокзалов, сна урывками голова была пустой, наполненной звоном. Мысли шевелились медленно, сознание словно отделилось от тела и наблюдало происходящее как телехронику, повествующую о посторонних, не касаемых его событиях.

Аркадий Леонидович Краснов, несколько рисуясь, должность главного инженера он занял в этом году и ещё не обжил своё новое положение, вкратце ознакомил со структурой Россыпной экспедиции, и задачами, которые она решает. Из всего ознакомительного рассказа Алексей запомнил несколько моментов. Основное направление работ экспедиции – поиски и разведка месторождений бокситов, есть несколько поисковых проектов и на железные руды. Название осталось от прежних времён, сейчас россыпи отошли на второй план, новых проектов нет, дорабатываются старые. Ещё он запомнил имя самого главного инженера, а также начальника экспедиции – Басаргин Фотий Назарович. Имя было необычным, ассоциировалось с могучего телосложения бородачом. Как выяснилось позже, образ, рождённый неуёмным воображением, был близок к действительности. Начальник экспедиции действительно обладал мощным телосложением. Хорошо развитую мускулатуру покрывал налёт жирка, впрочем, возрастные накопления не портили фигуру, а, наоборот, придавали ей значительности. Но, вот, обзавестись экзотической киношной бородой, Фотий Назарович не сподобился.

Вопрос о молодом специалисте был решён год назад, когда подавалась заявка в Территориальное Управление. Направляли Мезенцева в Быстрянскую партию сменным мастером, или по-новому – бурильщиком, с близкой перспективой перевода в буровые мастера. Назначение буровым мастером было делом одного, максимум двух месяцев. Мезенцева потому и направляли в Быстрянскую партию, что в ней из всей экспедиции среди мастеров была самая большая прослойка практиков предпенсионного возраста. Новые обстоятельства, складывающиеся в геологоразведочной отрасли, – возрастающие глубины, повышение производительности бурения, что требовало усложнения технологии бурения, применения оборудования более высокого уровня – устами высшего начальства требовали замены практиков специалистами с образованием. О давно решённом вопросе главный инженер в беседе с молодым специалистом не упоминал, а, преследуя воспитательную цель, упирал на иной аспект.

Молодой же специалист с трудом удерживал нить разговора. Между оконными рамами билась одурелая муха, назойливо завладевшая вниманием, и притягивала к себе взгляд. Усталость от двух полубессонных ночей, нудного ожидания поездов и самолётов, отразилась на лице молодого специалиста. Выражение лица собеседника Аркадий Леонидович понял по своему, и с жаром принялся объяснять назначение на рабочую должность.

– Ты пойми, Алексей Константинович, простую истину. Чтобы стать полноценным руководителем, надо пройти школу производства, путь от «а» до «я». Руководитель не вырастает как искусственный кристалл в исследовательской лаборатории, руководителем можно стать только на производстве. Как станешь руководить людьми, если не знаешь их труд изнутри? Пойми, руководителем не становятся по щучьему велению, становление, это труд. Все проходят путь от самых низов, и я тоже начал с того, что на буровой повкалывал несколько месяцев. Одни этот путь проходят медленней, другие быстрее, всё от тебя зависит. Глядишь, десяток лет пройдёт, ты этот кабинет займёшь.

Мезенцев стряхнул оцепенение, оторвался от созерцания мухи, посмотрел на узел галстука с чёткими геометрическими очертаниями, втянул запах «Кармазина», исходивший от шевелюры главного инженера, промямлил:

– Да я ничего. Всё правильно.

Аркадий Леонидович кивнул удовлетворённо, продолжал:

– А с другой стороны. Мужики у нас работают кондовые, верят тому, что собственными руками пощупали. Им надо себя показать, иначе и за начальника признавать не станут. Ты должен быть вот, – Краснов поднял руку, сжав кулак. – Должен показать себя, показать, что настоящий буровик, и бурить умеешь не хуже их.

Пока главный инженер проводил с молодым специалистом воспитательную работу, секретарша отпечатала приказ, сносила на подпись, поставила печать, и, когда, напутствуемый добрыми пожеланиями, молодой специалист покинул кабинет, хозяином которого ему предстояло стать через десяток лет, вручила заверенную копию, по-матерински наставляя:

– Смотри, билеты не выбрасывай. Как приедешь, авансовый отчёт составь, подколи все билеты и в бухгалтерию отдай. Тебе сейчас каждый рубль нужен.

Вчера он находился в привычной обстановке, ходил по тёплому зданию, стены которого украшали графики, диаграммы, цифровые показатели. Люди, обитавшие в этом здании, были вежливы, мужчины носили пиджаки, галстуки, от женщин пахло духами. А сейчас он сидел в тряском кузове работяги ГАЗ-66, по соседству со всевозможными ящиками: с коронками, муфтами, замками, короткими трубами диковинных диаметров, на скамейки лежала картонная коробка с лампочками, которые ему велели беречь как зеницу ока. Сам он был одет в ватную куртку, кирзовые сапоги. Контраст был разительным, и в то же время приятным.

Все два часа пути от Северотурьинска до Таёжного он глядел в окно. По непривычно низкому небу встречь поезду мчались клочковатые грязно-бурые тучи. Солнце скрывалось, и тогда необозримый пихтач, раскинувшийся по обе стороны железной дороги, тут же мрачнел, становился угрюмым и неласковым. Туча уносилась, солнце сияло точно летом. Радуга глаз, в его лучах пышными золотыми платьями цвели белоствольные русские красавицы. За два часа пути поезд останавливался трижды. Деревушки выныривали сразу, вдруг, в какой-нибудь полусотне метров от крайних изб лес стоял стеной. Перед Таёжным поезд с километр едва полз на подъём. Но не крутизна замедлила бег состава, рядом с действующим полотном путейцы тянули вторую колею. Не в силах совладать с охватившим его нетерпением, Мезенцев вынес вещи в тамбур, открыл дверь и выглядывал наружу, удерживаясь за поручни. Машинист дал протяжный гудок, тепловоз набрал скорость, в лицо пахнуло ветром. Состав прогрохотал по мосту, переброшенный через скачущий ручей, пихтач сменился редким осинником, взору предстал посёлок. По местным меркам Таёжный являлся довольно крупным населённым пунктом.

Дорогу до базы партии объяснил Краснов. Спрямя путь, Мезенцев оставил в стороне переезд, перебрался через железнодорожные пути, и вышел на каменистый пустырь, словно лесом покрытый сухими бодыльями чертополоха и репейника. Заросли древовидных сорняков пронзали многочисленные тропы, приглашая выбрать любую. Вскоре тропа вывела на довольно широкую улицу, рассекавшую посёлок надвое. Всё привлекало внимание приезжего: крепкие бревенчатые избы с крашеными наличниками, деревянные тротуары, пышные сосны, растущие у заборов и в оградах, поленницы дров, крепостными стенами охватывавших дворы, люди во дворах и на улице, большой гастрон, десяток женщин толпившихся подле, занятых обсуждением своих вековых проблем, и проводивших незнакомца долгими взглядами. Две молоденькие девушки, шедшие навстречу, которым он вежливо уступил дорогу, вызвали усмешку. Тугощёкие мордашки раскраснелись на ядрёном октябрьском воздухе, живые глаза рассматривали молодого незнакомца без всякого стеснения. Усмешку вызвали не простодушные лица наивных провинциалок, на вид девчонки были хорошенькими и даже привлекательными. Одежда и самоуверенный вид сельских модниц, не подзревающих о нелепости своего наряда, не могли оставить равнодушным взгляд столичного жителя. Красотка, шедшая слева была одета в канареечного цвета куртку, ноги облекали ярко-синие чулки с квадратными клетками, натянутых по слабо винтовой линии. Одежда второй ещё более колола взгляд. Синяя куртка сочеталась с зелёными брюками, заправленными в лакированные ярко-красные сапоги до колен со шнуровкой на боку. Но и его собственная одежда привлекала взгляды сельчан. Купленное весной пальто хранило свой первозданный облик. Пальто было импортным, гэдээровским, и очень нравилось ему, так как, по словам друзей, он походил в нём на иностранца. Ворсистая ткань имела белый цвет с чёрными крапинками, карманы прикрывали клапаны с пуговицами. Главной особенностью был покрой. Обычные лацканы отсутствовали, воротник был как у рубашки, и застёгивалось пальто до самого подбородка. Сейчас верхняя пуговица была расстёгнута, и в пройму выглядывал синий шарф, которым Мезенцев обматывал шею, в морозные дни натягивал на подбородок, и это ему тоже нравилось.

Пройдя всю центральную улицу, таёжный новобранец оказался у реки Быстрянки, свернул налево на улицу Разведчиков, тянувшейся вдоль берега, и имевшую один порядок домов, а ещё метров через двести по автомобильному мосту перешёл на другой берег. Жилых строений здесь не было, и территория базы просматривалась с моста.

«Контора» помещалась в длинном оштукатуренном кирпичном здании, вдоль которого тянулись длинные клумбы, огороженные низким штакетником, у входа росли четыре молоденькие берёзки в человеческий рост. Пройдя вестибюль, Мезенцев наугад свернул влево. Выбранное направление оказалось верным. За бухгалтерией находилась дверь с табличкой: «Начальник партии», а на противоположной двери висела табличка «Технорук». Мезенцев сложил вещи в конце коридора, где у окна на табуретке стоял вазон с фикусом.

Из-за стола навстречу поднялся мужчина среднего роста, крепкого телосложения, одетый в свободный костюм, коричневую полосатую рубашку без галстука, лицо выражало симпатию.

Начальник партии, Николай Павлович Марков, уже знал о приезде молодого специалиста, сообщили по радию из экспедиции, и даже намеревался послать на станцию УАЗик. Но старший механик Невзоров, памятуя, что сегодня начальник путешествовать по участкам не предполагал, укатил на исправной легковушке к коллегам на рудник решать проблемы механической службы. На второй, разъездной, перебирали задний мост, о чём начальник не знал.

Мезенцев назвал себя, начальник кивнул лысоватой головой, посмотрел в упор близко посаженными глазами, обменялся рукопожатием, показал на стул.

— Садись. Значит, дела такие. Мы посовещались, решили тебя пока на Глухарный участок направить. На Глухарном дорабатывают проект на россыпное золото. Сейчас подойди

к Ивушкину Ивану Даниловичу, это наш технорук, он тебе всё объяснит. Поживёшь пока в общежитии, – Марков глянул на молодого специалиста, поднёс левую руку к лицу, потёр подбородок согнутым указательным пальцем, и спрятал взгляд. – Общежитие наше, конечно, оставляет желать лучшего, но на данный момент ничего иного предложить не могу. Да ты парень холостой, перезимуешь, а к весне мы этот вопрос решим, обещаю. – Николай Павлович улыбнулся по-свойски. – В общем, весной, так или иначе, вопрос с жильём уладим. Все так начинали, я с женой в молодости пять лет в бараке жил. Ну, договорились?

Мезенцев согласно кивнул. Начинать работу со скандала о правах молодого специалиста не хотелось. Ёрничала вьедливая мыслишка: «Каким ещё специалистом окажешься, а то не будут знать, как избавиться».

Технорук Ивушкин представлял собой рослого широкоплечего мужчину, едва ли не богатырского телосложения, лет пятидесяти с хвостиком, без лишнего жира, с крупными, несколько грубоватыми чертами лица, от постоянного пребывания на свежем воздухе приобретшего тёмно бронзовый цвет. Густую шевелюру присыпала соль крупного помола, генсековские брови сходились на переносице. Фигуру плотно облекал коричневый пиджак из толстой полушерстяной ткани, нагрудный кармашек украшали расчёска и колпачок дешёвой шариковой ручки. Воротничок мягкой рубашки был расстёгнут, открывая изрезанную крупными складками мощную шею цвета красного кирпича, изрядно выделанного непогодой. Поднявшись, технорук оказался на голову выше посетителя, отнюдь не выглядевшего тщедушным сморчком. Крепко пожав руку, Ивушкин кивнул на стул, сел сам, вытянув из-под стола длинные ноги.

– Вот, значит, нашего полку прибыло. Эт-то хорошо. Ребята с образованием нужны, и даже очень. Ты как предполагаешь, на всю жизнь в геологоразведку, или так, три года отбарабанил, да местечко поуютней искать? – не дожидаясь ответа, продолжал: – Много у нас практиков, а техника меняется, глубины растут, станки поступают скоростные, а старики привыкли дробью бурить – трюх, трюх, трюх, по сто метров в месяц, сейчас же этого мало. Ну, ладно, это так, к слову. У Николая Павловича был? – Мезенцев кивнул утвердительно, и Ивушкин заговорил снова: – Дела обсудим завтра. Сейчас, пока рабочий день не закончился, надо успеть устроиться. Дуй в бухгалтерию, выпишешь там всё что положено, бегом на склад, тушёнку не забудь, и устраивайся в общежитие. Там сейчас один Лёнька Матвеев обитает, ничего, он мужик спокойный, уживётся. Пойду-ка я с тобой, наша Варвара Никитична как начнёт рассусоливать, до пяти не закончишь.

Ивушкин поднялся, и дальнейший разговор вел на ходу, одеваясь, а потом, вышагивая по территории, на которую вышли через внутренний выход, побывав в бухгалтерии.

– Познакомлю с Раисой, это наша кладовщица, велю, чтоб по росту спецодежду подобрала, а не абы как. У неё же возьмёшь простыни на постель. Если денег на продукты не хватит, бери под запись. Отловлю тебе машинёшку, чтоб не тащиться с барахлом через весь посёлок. – Уже возле склада Иван Данилович сообщил: – Завтра примерно в обед на участок машина пойдёт, увезёт кой-какое оборудование, и я съезжу. Ты как смотришь на такое дело – три дня постажироваться, а потом остаться на пять дней, на заездку?

Мезенцев, обходя лужу, пожал плечами. На данный момент разница между жизнью в глухом таёжном посёлке, где всё ему было незнакомо, отсутствовали привычные атрибуты городской жизни, и жизнью на участке была невелика. На участке даже интересней, быстрее войдёт в курс дела.

– Да я принципе не против. Только как с питанием? Столовой же нет на участке?

– Не проблема. Тушёнки сейчас наберёшь, а потом со сменой я тебе картошки и хлеба пришлю.

Кладовщица Рая, женщина лет сорока с круглым свежим лицом, одетая в тёплую геологическую куртку с подвёрнутыми рукавами, была чрезвычайно общительна. Ивушкин

громогласно представил своего протеже, так же бодро велел отнестись к нему со всем вниманием и участием, и, не прощаясь, исчез. Рая, пока перебирала спецодежду, отпускала продукты, выпросила про то, что было, про то, что есть, вопросы её не были неприятны и не вызывали раздражения. По благожелательным взглядам, улыбке, не сходящей с лица женщины, Мезенцев догадался о сочувствии, невольно внушённом кладовщице. На обещанную машину он не надеялся, и, выволакивая полученные вещи и продукты на эстакаду, терялся в догадках, что теперь ему со всем этим добром делать. Но напротив склада стоял зелёный УАЗик, пожилой водитель, вальяжно опиравшийся копчиком о капот, спросил с добродушной насмешкой:

– Ты, что ли, инженер? Грузись, отвезу.

Несмотря на насмешливый тон, помог загрузить поклажу на заднее сиденье. На сообщение, что в конторе находятся ещё вещи, хмыкнул, велел вынести багаж на парадное крыльцо.

Своего пассажира Кондратьич, так звали водителя, повёз кружным путём, через весь посёлок, показал клуб, столовую, магазины. В маленьком магазинчике Мезенцев закупил сахар, чай, папиросы, взял пару пакетов молотого перца.

Общежитие находилось на самой окраине, с другой стороны посёлка, и занимало обыкновенную избу на два входа. Двор ограждал полузавалившийся штaketник, одна створка ворот отсутствовала, вторая была распахнута и чудом удерживалась в вертикальном положении. В глубине ограды находился сарай с раскрытой дверью и деревянный туалет. Кондратьич остановился у ближнего от ворот крыльца, сообщил с усмешкой:

– Вот и наша заезжая. Эта половина чёрная, для негров, а та, – он кивнул на второе крыльцо, – для белых людей, которые из экспедиции приезжают. Ключ, – слова общительный водитель сопровождал жестами, – под шиферину прячут.

Мезенцев вылез из машины, взошёл на крыльцо, потрогал замок, и без труда вытащил штырь, на котором крепилась клямка.

– Да тут и ключа никакого не надо, – засмеялся, демонстрируя извлечённый из стены штырь, но всё-таки вытащил из-под стрехи ключ на грязной, цветастой тряпочке.

Кондратьич уже стоял на земле, окутывался табачным дымом.

– Да кого запирать-то? У нас такими делами вроде не балуются. Да и прятать кого? Бутылку разве? Так бутылки в заезжке не залёживаются.

Мезенцев топтался на крыльце, не торопясь заходить в избу, крутил ключ, наматывая тряпочку на палец.

– А от той половины у кого ключ?

Ему пришла мысль, что хорошо бы устроиться в чистой половине, а не в грязном обиталище «негров», по выходным, безусловно, превращавшимся в проходной двор.

– Где белые люди останавливаются? – переспросил Кондратьич. – Тот ключ у Райки. У ней чего другого выпросить легче, чем ключ, бережёт, как зеницу ока, выдаёт, только по распоряжению самого Николая Павловича. Ты чего ж у начальника не спросил?

– Да я откуда знал? – фыркнул обиженно Мезенцев. – Он мне сказал, пока в общежитии поживёшь, а я откуда знал, что их два?

– Н-да. Значится, не захотел Николай Павлович тебя уважить, – бесцеремонно констатировал Кондратьич. – Ну, ничего, обживёшься, потребуешь, что получше. Какие твои годы! Первые десять лет тяжело, а потом привыкнешь.

С помощью Кондратьича Мезенцев перетащил вещи из легковушки на крыльцо, пнул с верхней ступеньки засохший комок грязи, и вошёл в общежитие.

Новое место обитания состояло из трёх частей. В холодных сенцах лежала аккуратная кучка берёзовых поленьев, в углу стояла объёмистая кастрюля. На противоположной стене висел грязный брезентовый плащ и промасленная роба. Собственно общежитие составляли

кухня и комната. На удивление пол в кухне был чистым и даже застеленным двумя круглыми тряпичными ковриками. Новый жилец скинул у порога туфли, и прошёл в комнату. В спальном помещении изголовьями к уличной стене стояли четыре металлические кровати, пятая притулилась к тёплой кухонной стене, и была занята. На стене, разделявшей избу на две половины, по засиженному мухами лесу бродили такие же засиженные мишки. Мезенцев облюбовал среднюю кровать, стоявшую у единственного окна. Сбросил на матрац рюкзак, узлы с бельём, спецодеждой, перетащил к изголовью пустую тумбочку, почему-то стоявшую посреди комнаты. Вернувшись на крыльцо, занёс оставшиеся вещи, снял пальто, и вместе с холодом почувствовал голод. За весь день, кроме утреннего чая с кусочком чёрствой булочки, успел перед поездом перехватить пару пирожков с мясом и стакан чая с лимоном. Холод, царивший в помещении и подступивший голод, настоятельно требовали озаботиться о тепле и пище. На жестянке у топки лежали приготовленные заботливой рукой берёзовые поленья, щепы и несколько рулончиков бересты. На плите стоял зелёный эмалированный чайник со щербатой крышечкой, наполовину наполненный густым чаем. Через несколько минут поленья запылали, и Мезенцев взялся за приготовление пищи. Сковорода обнаружилась в столе. Обернув обрывком газеты густо смазанную застывшим маслом банку с тушёнкой, криво вскрыл большим кухонным ножом крышку, и вывернул содержимое на раскалившуюся сковороду. Через несколько минут жарено аппетитно зашкворчало. На столе лежали две луковицы, и, придерживаясь основного правила общежития, согласно которому, всё, что лежит на столе, общее, порезал одну в сковороду, и посыпал булькающую жарёху перцем. Пока готовилась незамысловатая еда, оглядел кухню. Тяжеловесный деревянный стол, когда-то выкрашенный синей краской, покрывала клеёнка. Клеёнка хотя и носила на себе следы не затушенных папирос и ножевые ранения, была тщательно вытерта. Несколько вымытых тарелок стояли стопкой у стены. Жилец, обитавший в общежитии, был человеком аккуратным и чистолюбивым. Дверки стола запирались ромбической деревянной вертушкой, сгодившейся и для небольшой калитки. Возле посуды стояли два гранённых стакана, один с солью, второй с сахаром, середину столешницы украшала ажурная пепельница, сотворённая неизвестным умельцем из консервной банки. Кроме стола, на кухне находился громоздкий умывальник, тумбочка, со стоявшей на ней электроплиткой, жестяной бак с водой. Под табуретку, которую занимал бак с водой, были задвинуты два ведра, вдвинутые одно в другое. Из стены возле двери торчало несколько толстых гвоздей для одежды, на одном висел нагольный тулупчик и меховая шапка. Дверка в умывальнике отсутствовала, и в нише виднелось цилиндрическое ведро для обмывков. Остальную мебель составляли три табуретки и стул, на который Мезенцев бросил своё импортное пальто. Убогость обстановки подчёркивала голая лампочка, висевшая на скрученном восьмёркой шнуре. Человека, привыкшего к комфорту, пекущегося об удобствах быта, считающего его одной из главных составляющих существования, убранство жилища повергло бы в уныние, но Мезенцева занимали иные мысли. Пристроив пальто рядом с тулупчиком, новый жилец приступил к трапезе.

Щедро сдоблив тушёнку перцем, нарезал крупными ломтями пухлый ноздреватый хлеб. Вилка в обеденном наборе отсутствовала, это несколько смутило его, но аппетит не испортило. Макая в духовитую жижицу мягкий хлеб, незаметно умял полбуханки. Поленья весело потрескивали, печка распространяла сухое тепло. Затолкав в топку оставшиеся дрова, выпил кружку чая с папиросой. Убрав за собой, застелил постель, надел тренировочный костюм и лёг поверх одеяла. Вытопленная самостоятельно печь сближала с «кондовыми мужиками», обращение по имени-отчеству грело самолюбие. Сон не заставил себя ждать, укутал блаженным забытьём.

Проснулся в темноте от стука входной двери. В кухне зажглась лампочка, на пол, достигнув соседней кровати, лёг прямоугольник света. Пришедший занёс дрова, грохнув ими о пол. Мезенцев не поднимался, цепляясь за остатки сна, расслабленное сознание то

проваливалось в тёплый туман, то возвращалось в реальность. Пришедший ещё выходил наружу, вышагивал по кухне, поскрипывая половицами, но теперь ступал мягко, стараясь производить поменьше шума, сдерживал движения. В комнату проник табачный дым, запершило в горле, и Мезенцев окончательно проснулся. Потянувшись, встряхнув плечами, вышел в кухню. За столом сидел невысокий мужичок с белёсыми волосами, одетый в синюю майку и трико, и погнутой алюминиевой ложкой ел со сковороды картошку с тушёнкой. Несмотря на некрупную фигуру, щуплым мужичка назвать было нельзя. Тело было крепко сбитым, на руках бугрились мышцы. Позёвывая, Мезенцев громко произнёс:

– Приятного аппетита, – и, протянув руку, назвал имя и фамилию.

Мужичок отложил ложку, обтёр рукой рот, с готовностью поднялся, ответил рукопожатием. Ладонь на ощупь оказалась жёсткой, с бугорками мозолей.

– А я Матвеев, тоже Алексей, только кличут Лёнькой. Пом-бурю на седьмой. Бери ложку, садись, покушай.

– Да я уж ел, – Мезенцев попробовал отказаться, сполоснул под умывальником лицо, сходил в комнату за полотенцем. К утирке, наброшенной на умывальник, рука не потянулась.

– Это чо ж, я буду есть, а ты смотреть? Садись, давай.

После крепкого, хотя и короткого сна, Мезенцев почувствовал хороший аппетит, не стал ломаться, взял ложку и присоединился к Матвееву. Чавкая набитым ртом, Матвеев попенял:

– Почто картошку не ел? В сенках полнёхонька кастрюля стоит, специально наварил полную, чтоб каждый раз не возиться. Кого ж одну тушёнку есть? Так, парень, тебе никаких денег на прокорм не хватит.

– Да как-то неудобно. Только приехал, знать никого не знаю, и полез бы кастрюли проверять.

– Неудобно! Ну дак, ведро бы взял, сходил к соседям через дорогу, у них попросил. Чего ж, не дали б, что ли?

– А сколько у вас ведро картошки стоит?

Сколько стоит картошка, Мезенцев понятия не имел, покупая её лишь в виде пюре.

Вопрос нового знакомого показался полной нелепицей. От удивления Матвеев забыл закрыть рот, оглядел чудака, фыркнул.

– Да ты чо! Кто ж за ведро картошки деньги берёт? Тем более знают, что приезжий. Ты на этот счёт не сомневайся. Всяк понимает, человек приезжий, ни кола, ни двора, чо не помочь-то?

– Откуда взял, что приезжий? Я, может, из Северотурьинска, – спросил Мезенцев и подумал: «Это он по моей интеллигентской ладони определил».

– Дак откуда? Второй день вся партия обсуждает, что инженера присылают. Сегодня утром в вахтовке гадали, на какую бригаду поставят.

– Да меня пока не на бригаду, – словно оправдываясь, уточнил Мезенцев, и объяснил: – Сменным на Глухарный направили.

– Ф-фи! – Матвеев помотал головой. – Ни фиги себе, задвинули! Ты зачем согласился? У меня б диплом был, самое меньшее бригаду бы потребовал.

– Всё ещё будет, всё ещё впереди, – миролюбиво произнёс Мезенцев.

Матвеев был первым «аборигеном», с которым близко свела судьба. Местное население, «аборигены», ныне требовали к себе совершенно иного отношения, чем раньше, на производственных практиках. Тогда он являлся временным работником, входившим в коллектив на два-два с половиной месяца, и вся внутренняя жизнь коллектива проходила мимо, на которую поглядывал с юмором и иронией. Теперь же он становился постоянным участником коллектива, поэтому нужно было вникать во все подробности бытия, становиться сопричастным глубинным явлениям, разделять чаяния и заботы. Неизвестно, как сложится судьба,

отработает ли он положенный трёхгодичный срок и двинется искать долю в иных краях, или же Россыпная экспедиция станет для него своей, родной, но жить в сложившемся коллективе на особицу довольно затруднительно, и чем быстрее он сроднится с ним, тем для него же лучше. Но и опрощаться, становиться одним из «аборигенов» Мезенцев категорически не хотел, и, испытывая двойственное чувство, решил через соседа по общежитию, простоватого, по всей видимости, бесхитростного, наивного мужичка вызнать как можно более о жизни в Таёжном посёлке и отношениях в Быстрянской партии. Что новости здесь распространяются со скоростью беспроводного телеграфа, уже понятно. Не успел он появиться в Геолуправлении, отстоявшего от Таёжного на полтыщи вёрст, а в Быстрянской партии помбуры уже обсуждают, какую должность он займёт. Но поначалу разговор принял совершенно неожиданное направление. Простоватый, малообразованный мужичок имел своё сложившееся мнение о нюансах реального бытия.

Чай заварили свежий, без сожаления выплеснув старый. Заваривал Мезенцев, настояв на внесении своей лепты в устройство ужина. Разрывая упаковку с изображением задорного слона, весело заметил:

– Хорошо живёте. Индийский чай, высший сорт, навалом в магазине лежит.

– А чо, в городах-то нету чаю?

– Да не сказать, что нет, но индийский не залёживается, мигом разбирают.

– Ну, грузинский кто брать станет? Это уж, ежели индийский кончился. Да берут и грузинский, он же на двадцать копеек дешевле. Да кто берёт? Кто чай так, для запивки пьёт. Бабы берут, немцы-старики, ну, те каждую копейку считают. Я вот к чаю привык, мне грузинский и даром не нужен.

– Немцы? – переспросил Мезенцев. – Откуда здесь немцы? Военнопленные с войны, что ли, остались?

Матвеев налил дымящуюся красно-коричневую жидкость, подул в кружку, сморщив нос, отхлебнул, крякнул.

– Ух, горячий! Немцы-то? – удивился вопросу. – Как откуда? С войны, с трудармией остались. Как уезжать разрешили, которые назад, на Волгу вернулись, а которые прижились, здесь остались. Вот у немцев, стариков, снега позапрошлого не выпросишь. Которые молодые, с русскими пообженились, работаешь с которыми, те нормальные парни. А старики... Ох, и злые же есть. Чего злятся, сами не знают. Русские, которые местные, отродясь зла им не делали, я-то знаю. В войну всем не сладко пришлось, и русским, и татарам, и немцам. Чо ж я, не помню? На одной картошке и выжили. Утром в мундирах, в обед – щи «с таким», вечером – толчёнка с солью, а уж с постным маслом, так, считай, почти что праздник, – Матвеев опять подул в кружку, покачал головой, сделал несколько мелких, осторожных глотков.

Шумно втягивая горячий чай, причмокивая, Лёнька выдул всю кружку, разомлел, рассуждал между глотками.

– Я вот после армии, как пристал к геологоразведке, без малого двадцать лет кочую. И в Средней Азии бурил, и в Казахстане, и в Алатау, и в Кузбассе, теперь назад вернулся. Я ж местный, родная деревня почитай рядом, ста километров от Таёжного не будет. Каких только людей не повидал, с кем только жить не пришлось. Вот, что скажу. Самый покладистый народ – русские, с кем хошь уживутся. Вот, среди русских попадётся, какой иной, не русский короче, так русские о нём как-то озаботятся, жалеют вроде, всё же человек в чужом краю живёт. А вот русскому, среди не русских, ох, и тяжко иной раз приходится. А у вас, в институтах, как, враждовали?

– Да ну! – Мезенцев неподдельно изумился подобному вопросу. Он словно и не ведал, что люди подразделяются по национальному признаку. – Скажешь тоже. У нас и внимания никто на национальность не обращал. Все свои, советские, чего делить? – призадумавшись,

добавил: – У нас на курсе, если не весь советский интернационал, так добрая его половина присутствовала. Ни разу не слышал, чтоб трения какие-то возникли. Нет, и близко ничего подобного не было.

– Потому что русских большинство было, – стоял на своём Матвеев.

Мезенцев усмехнулся.

– Кто только не встречался, а вот еврея ни одного. Нет, вру. Был один. Но не среди студентов, а среди преподавателей. Доцент на кафедре научного коммунизма.

Лёнька отставил кружку, хохотнул.

– Ну ты, Лёха, даёшь! Кого еврей в геологоразведке забыл? Прямо, станет тебе еврей сопли на кулак на морозе мотать. Еврей, он не пыльную работёнку ищет, где потеплей, да поприбыльней.

– Прижмурившись, оттопырив губы, Лёнька отхлебнул горячий чай. Затронутая самим темой побуждала высказать глубинные мысли, суждения о реалиях бытия, исподволь созревающих у всякого пожившего, повидавшего мир толково мыслящего человека. Допив чай, он продолжил: – Я, конечно, человек малограмотный, всего-навсего семилетка за плечами. Да и то, когда это было? – («Когда я только на свет появился» – подумал Мезенцев).

– Да и то, разве тогдашнюю семилетку сравнишь с нынешней восьмилеткой? Политграмоту последний раз в армии втолковывали. Я так вот про себя рассуждаю, русскому человеку никакая политграмота про интернационал да дружбу народов не нужна. Он и без политграмоты ко всем доверчивый и жалостливый. Русский человек никогда не станет обижать другого человека, потому что тот не русский. Ну, разве, урод какой. Так урод он и в Африке урод. Русский человек другого человека не станет обижать, потому как считает его вроде как обиженным, и от этого у русского человека к нему жалость нутряная.

С западным ветром, лезшим во все щели, помимо сырости и дождей прилетало поветрие новых, американизированных европейских идей. Сырость разъедала гранит набережных, американизированные европейские идеи – человеческий гранит. В американизированном европеизме не было места русскости, советскости. Для них в новом перерождающемся европеизме были приготовлены лишь язвительность и презрение. О чём толковал самодельный Любомудр? Что это, задубелое русопятство? – русский народ есть народ богоносец и призван спасти мир от вселенского зла, своего рода трансформация плесневелой идеи Третьего Рима, или же совершенно наоборот, идеи спасения мира и есть кредо, суть сути?

Таёжный философ не ведал о терзаниях рефлексивной интеллигенции, закурил, с удовольствием затянулся. Мезенцев, имевший по данному вопросу не просто два различных, а два антагонистичных мнения, сменил тему.

– Вот, ты говоришь, почти двадцать лет в геологоразведке. А почему в помбурах, почему на сменного не выучился?

Лёнька посмотрел на собеседника, выпустил струю дыма в потолок.

– А так спокойнее. Живу один. Зарплаты хватает и одеться, и на жратву, и пофестивальнуть, если охота придёт. Одно знаю – фарштуль, вилки, ключи, штангоразворот, ну, за насосом гляжу. А сменный за всё отвечает, и за бурёжку, и за скважину, и за станок, и за двигатель, и за помбура. Зачем мне это? Не, не надо мне этого.

Честолюбивые желания отродясь не водились в матвеевской голове.

Докурив, Лёнька плеснул себе ещё полкружки, но пил молча, лимит на разговоры иссяк. Мезенцеву, желавшему как можно больше узнать о Таёжном, стоило трудов растормошить примолкшего собеседника.

Оказалось, посёлок состоит из трёх концов. Основную часть посёлка заселяли русские, обрусевшие немцы и татары, и все, кто причислял себя к русским. На том берегу, на котором размещалась база партии, но выше по течению Быстрянки, жили немцы. Татары тоже имели свой посёлок, расположенный на этом берегу. С другого края Таёжного, вдоль речки шли

две улицы, на которых и жили татары. Татарский конец был отделён от основного посёлка оврагом, и почему-то звался Золотым.

– Почему Золотой? Золотая Орда, что ли?

– Да кто его знает? Золотой, и Золотой. Не-е, татары – смиренный народ.

Не допив чай, Матвеев закурил, но курил, словно по принуждению, а не в охотку, изжевал мундштук, перекачивая папиросу во рту, трижды прикуривал, пока, наконец, не ткнул измусоленный окурочок в пепельницу, и не объявил:

– Всё, спать пора, завтра вставать рано.

Полторы кружки крепчайшего чая, две папиросы несколько не повлияли на Лёнькин сон, и через пять минут он уже мирно похрапывал. От Мезенцева же сон ушёл. Достав из чемодана объёмистый «Русский лес» Леонида Леонова, прихваченный из родительского дома, до трёх часов читал на кухне, и отправился спать, когда веки непроизвольно смежились, и смысл прочитанного ускользал от понимания.

Собираясь на смену, скрипом половиц, бряканьем посуды Матвеев прервал утренний сон соседа, но когда дверь закрылась, тот опять впал в дрему, и проснулся в девять, когда в комнату вошёл серенький октябрьский день.

Время отъезда технорук указал приблизительное, и Мезенцев не торопился. Тщательно побрился, оберегая рюкзак, отыскал тряпку почище, обтер ею масло с банок с тушёной. Но, миновав околицу и ступив на деревянный тротуар, запаниковал. На сегодняшний день он представляет собой невеликую шишку, и машина вполне может уйти и без него. То-то позор будет: инженер начал работу, проспав отъезд на участок. Размышляя о предстоящей жизни, наметил себе основное правило, быть точным, ответственным, говорить мало, но весомо, и уж никак не совершать промахов в духе героя Гарина-Михайловского. Не надо обладать богатой фантазией, чтобы представить, какой жалкий вид у него будет, если к его приходу машина уже уйдёт. Посрамление своего, ещё не заработанного авторитета, Мезенцев допустить не мог, и, ругая себя за утреннюю мешкотню, заторопился, не обращая внимания на увесистый груз, оттягивавший плечи. На улице Разведчиков его уже прошибал пот, а в кабинет технорука вошёл запыхавшись.

Кроме Ивушкина в кабинете находился невысокий, полноватый до округлости мужчина, одетый в лоснившуюся на локтях и животе куртку. Мужчина топтался перед столом, за которым сидел технорук, сипло, со свистом дышал. Пыхнув, прилипшей к нижней губе сигаретой, закашлялся до слёз, раздражённо ткнул сигарету в пепельницу. Откашлявшись, утёр выступившие слёзы, выудил из пепельницы окурочок, прикурив, но новый приступ кашля вынудил вернуть окурочок на место. Ивушкин буркнул:

– Да уж совсем бы курить бросил, чего маешься?

Отдуваясь, мужчина простонал:

– Рад бы, Данилыч, да не могу. Организм никотину требует.

Мезенцев, поздоровавшись, общим приветствием, сел на свободный стул у стены, рюкзак поставил рядом на пол. Колобок оказался мастером второй бригады, и звался Павлом Гавриловичем Поповым. Узнав, что за юноша скромно устроился у стены, Попов сердито проворчал:

– Долго спишь, парень, с утра тебя жду, и уточнил у Ивушкина: – Ну, мы пойдём грузиться?

– Давайте, давайте, – Ивушкин на миг оторвался от бумаг, протянул Попову криво оторванный листок. – Тут всё, что Иванов заказывал. Готовые патрубки в мехцехе. Ищи Яшку, он в курсе. Погрузитесь, и сразу едем.

Сунув заказ коллеги в карман, Попов, не глядя на своего нового работника, вышел из кабинета. Очевидно, всё уже было обговорено, и Ивушкин уточнял для сведения Мезенцева.

У гаража стоял тягач С-100 со снятой боковиной и обнажёнными металлическими органами и кишочками. Противно визжал пускач, выбрасывая сизые клочки дыма. Тракторист сидевший на корточках на широкой гусенице, прекратил надсадные стенания механического органа, спрыгнул на землю и заговорил со здоровячком в синей куртке и кепке. Мезенцев засмотрелся на трактор и отстал от мастера. Тот поджидал его у трубной эстакады, и, буркнув: «Жди здесь», ушёл в гараж. Минут через пятнадцать Попов вышел из гаража, и заговорил со здоровячком, помогавшим трактористу снимать какой-то узел с двигателя с блестящими медными трубками. Здоровячок отвечал что-то резкое через плечо, и к эстакаде Попов вернулся со зверским лицом, губы беззвучно шевелились.

– У нас всегда так, на охоту ехать – собак кормить, – проговорил со злостью, и, не объясняя суть проблемы, буркнул: – Машина будет через полчаса, давай, пока патрубки из мехцеха вытащим.

В квадратном помещении мастерской главенствовал трубонарезной станок, с ним соседствовал наждачный станок с двумя кругами, у стены с окном стоял сверлильный станок и слесарный верстак, а у правой стены находился небольшой винторез, справа от двери помещалась скамейка, урна для окурков, сваренная из мощной некондиции и тумбочка с электрочайником. На наждаке токарь в синем халате и очках затачивал резцы, у верстака трудился слесарь над зажатой в тисках деталью. Патрубки, числом около десяти, раскатились по бетонному полу, загромаждая подход к труборезу. Поразил диаметр полутораметровых коротышей, наименьший соответствовал 146-мм, диаметр прочих Мезенцев даже не брался определить, на практике с таким сортаментом встречаться не приходилось, и он спросил в недоумении:

– Это для чего такие?

Попов суетливо прикрикнул:

– Давай, хватайся, глазеть потом будешь, – и, фыркнув, кольнул: – На золото бурим. Эх ты, инженер!

Мезенцев прикусил язык, и подхватил противоположный конец ближайшего патрубка, но от неожиданной резкой боли отдернул руку. На рассечённой заусеницей коже выступила кровь.

Токарь оглядел заточенный резец, выключил наждак, и, увидев буровиков, весело воскликнул:

– Забираете! Ну, слава богу. Надоело перешагивать. Заказываете, – давай-давай, а потом под ногами валяется неделю. – Поглядев на Мезенцева, дувшего на окровавленные пальцы, набросился на Попова: – Ты чего парню рукавиц не выдал? Всё сэкономишь? С работяг технику безопасности спрашиваешь, а сам? Мастер называется! – Досталось и пострадавшему: – А ты что без рукавиц работать стал? Требовать надо! Безъязыкий, что ли? – и миролюбиво добавил: – Сюда иди, хоть старые верхонки дам.

Колобок пыхтел, беззвучно шевелил губами, не находясь с ответом. Мезенцев подошёл к токарю, и, пока тот доставал из железного шкафчика рукавицы, прочитал надпись на металлическом флажке, стоявшем на коробке передач станка. Белая надпись, любовно выполненная по трафарету, гласила: «Общественный инспектор по технике безопасности Веденеев В.М.» Общественный инспектор уже протягивал порядком изодранные, насквозь промасленные верхонки, и советовал:

– Ты их наоборот надень, наружная сторона-то целая.

После патрубков перешли на склад, вытаскивали на эстакаду ящики с твердосплавными коронками, муфтами, замками. На складе Попов вспомнил, что Мезенцев направлен в его бригаду, и выдал рукавицы, проворчав: «Потом распишешься». В новой, топорщившейся спецодежде, ещё не обжитой телом, непривычных кирзачах, Мезенцев чувствовал себя неуклюжим, действовал неловко, чем раздражал своего начальника. Погрузились через

час, и Мезенцев отправился в контору за рюкзаком, и заодно оповестить Ивушкина о готовности к отъезду.

Колобок, топтавшийся возле заднего борта, опять мучился с сигаретой, подошедшему Ивушкину сообщил:

– Ну, всё, загрузились, Данилыч. Так я домой пошёл?

Тот махнул рукой, и колобок покатился к воротам, на полпути остановился и крикнул Мезенцеву: «Коробку с лампочками на колени поставь. Гляди, расколотишь, с тебя спрошу». Дома Попова, очевидно, поджидала спешная, неоконченная работа, чем и объяснялась его раздражительность. Но он единственный, кто отнёсся к новому работнику холодно и даже с непонятной озлобленностью. Все прочие, начиная с Краснова и заканчивая Матвеевым и встретившимся сегодня токарем, выказывали сочувствие и благорасположение.

Ивушкин уже раскрыл дверь кабины, поставил ногу на ступицу, Мезенцев закинул в кузов рюкзак, когда к машине подошёл давешний здоровячок, на ходу вытиравший ветошкой руки. На лице его с чёрной двухдневной щетиной лежала печать крайней озабоченности, выразительный взгляд был устремлён на невозмутимого технорука.

– Иван Данилыч, вот тебе сегодня прям край ехать? Вчера не мог съездить? Или уж в пересменку ехал бы, всё равно машину гнать. А если вода поднялась, шуга идёт?

Ивушкин в сердцах сплюнул.

– Ну, опять всё сначала. Что будет, что будет? Развернёмся и назад поедem, Михаил Сергеевич. Ты мне уже надоел, вот, ты у нас один о производстве печёшься, остальным всё трын-трава. У меня что, глаз нет?

Михаил Сергеевич ответом не удовлетворился и окликнул водителя.

– Яшка, если вода поднялась, шуга идёт, ни в коем случае на ту сторону не ездь. Пусть как хотят, так и перебираются, хоть на тракторе, хоть вброд, а то этим буровикам всё по хрен. Если, что, с тебя спрошу первого. Понял?

– Понял, понял! – весело отозвался Яшка, блеснул зубами и включил зажигание.

Ивушкин кивнул Алексею, призывая занять своё место, и согнувшись пополам, втиснулся в кабину.

От базы партии участок находился в семидесяти километрах. Первую половину пути промчались с ветерком. Движение на грейдере было оживлённым, в обе стороны с гулом проносились БелАЗы. Затем автомашина свернула в лес, и началась горно-таёжная «магистраль». Кузов подбрасывало, швыряло из стороны в сторону, но Мезенцев, выглядывая в мутное окошко, в открытый проём над дверкой, мало обращал внимания на неудобства.

3

Автомашина свернула вправо, через сотню метров выехала на профиль, неоглядно тянувшийся в обе стороны, и, проехав по нему ещё сотни полторы метров, остановилась у зелёного вагончика на деревянных полозьях с оковкой из бурильных труб. Метрах в тридцати стояла буровая, связанная с вагончиком пуповиной белого двухжильного кабеля. Из тепляка поднимался невысокий, менее десяти метров, четырёхгранный копёр, на котором весело светились несколько лампочек, из буровой доносился рокот дизеля, вращающаяся шпинделёвка без привычной обвязки – сальника и шланга – выглядела голой, да и отсутствие ёмкости, отстойников делали буровую какой-то ущербной, не полноценной. У буровой, по обе стороны просеки стояли двое саней. Одни с разнообразным буровым оборудованием, вторые занимала неизвестного назначения прямоугольная ёмкость с встроенной топкой, по внешнему виду кустарного изготовления. Ближе к вагончику, носом к лесу приткнулся трактор-тягач С-100.

Первым в вагончик, едва коснувшись подошвами громоздкого сооружения, служившего крыльцом, взлетел водитель Яшка. Из раскрытой двери тут же вылетел его бодрый жизнерадостный вопль:

– Здорово, Макар!

Ответ прозвучал не менее оглушающе:

– Здорово, татарин!

Обладателем мощного рыка оказался рыжеватый верзила с тёмными конопушками рассеянными в верхней части лица. Верзила стоял у железной печки и энергично шуровал половником на длинной деревянной ручке в ведёрной алюминиевой кастрюле. Приветствие незнакомца оставил без внимания, при виде технорука гаркнул:

– Здорово, начальник!

Ивушкин поморщился и попенял:

– Когда ты только орать перестанешь, Макар? Смена отдыхает, а ты кричишь. Грязное бы скидывал, когда обед варишь. В чём на буровой, в том и кашеваришь.

Макар осклабился, бросил половник на стол, грохнул на кастрюлю крышку.

– Ништяк. На буровой заразы нет.

Ивушкин не стал спорить, покачав головой, спросил:

– Как у вас дела?

– Про дела у старшего спрашивай. Мне – что прикажут, мои дела простые, ключи да вилки. Ты мне скажи, я, почему вторую заездку должен на грязных простынях спать? И поварихи нет, только обещаете. Время три, а мы не жравши. Это чо, порядок? Вам, начальникам, одна забота, метры давай, остальное вас не касается, чо тут, как тут люди живут, вам по фигу. Моя работа на буровой, а суп варить повариха должна.

Ивушкин ругнулся нечленораздельно, и, кивнув на Мезенцева, распорядился:

– Вот, с Мезенцевым машину разгрузите, – и ушёл, хлопнув дверью. Соблюдать тишину после Макаровских монологов не имело смысла.

Макар осклабился, произнёс, довольный собой:

– Ишь, не нравится. Насыпал горяченького за шиворот.

Макар относился к числу людей, искренне убеждённых, что с начальством следует непременно ругаться, и чем злее и громче, тем лучше. Ибо все начальники из кожи готовы вылезти, только бы объегорить работягу, работать заставить побольше, а заплатить поменьше. Причина, по которой в его мозги въелась уверенность в коварных помыслах «начальников», оставалась неизвестной, также как и склонность к крикливости. От отца и деда он унаследовал лишь обличье, но не нрав. Обычно, проработав пару лет, большинство помбуров вполне могли заменить у станка бурильщика, и в течение смены подменяли их, позволяя передохнуть. Из-за особенностей бурения это было особенно важным на Глухарном участке. Тот же Матвеев умел выполнять все операции сменного, а на бурении кое-кого мог и за пояс заткнуть. Иногда, в случае внезапной болезни, в период повальных летних отпусков, Лёньку, не имеющего удостоверения, в нарушение всех правил и норм, на пару недель ставили к станку. Но не по душе была Лёньке ответственность, и, не смотря на сетования начальства, оставался Матвеев помбуром. Мастеру же, в чьей бригаде трудился Матвеев, такое состояние ума подчинённого даже было на руку. Отправится Лёнька на курсы, выучится, а потом не известно в какую бригаду попадёт, а так, вроде палочки-выручалочки, всегда под рукой. Но была иная категория помбуров, значительно малочисленнее первой. Люди, относившиеся к ней, проработав и десяток лет на буровой, действительно усвоили лишь «ключи да вилки», а от станка шарахались как чёрт от ладана. Макар принадлежал именно ко второй категории. Сменные с такими помбурами работать не любили. Макар же, как на диво, со своим сменным сработался, между ними царил обоюдное согласие, но на то были особые причины.

Слушая претензии Макара по поводу неустроенности быта на участке, Мезенцев сообразил, что простыни надо было прихватить с собой, а не оставлять в общежитии, или взять на складе два комплекта. Теперь из-за собственной недогадливости придётся бичевать едва не десяток дней.

Ночная смена, выспавшись, а скорее, благодаря произведённому в вагончике шуму, проснулась. На правом от печки лежаке поднялся парень, лет тридцати, примерно одного возраста с Макаром, но пониже ростом, одетый в трико и тёмно синюю, немаркую майку. Сев на постели, покаяв грудь и голову с чёрными прямыми волосами, произнёс с хрипотцой:

– Ты и, правда, Макар, базлаешь, как оглашенный.

Яшка, стоявший посреди вагончика с засунутыми в карманы руками, возопил:

– Здорово, Шахов! – и радостно, словно принёс долгожданную весть, сообщил: – Инженера вам привёз, начальником у вас будет. Теперь, с инженером, пойдут мэтра, да, Шахов?

Чернявый вполголоса проворчал:

– Ну, ещё один оглашенный, – и безразлично, искоса посмотрел на новоявленного инженера.

Макар хэкнул, покрутил головой:

– Конечно, нам только инженеров и не хватало, остальное всё есть, – довольно бесцеремонно показал на Мезенцева пальцем, фыркнул: – Этот, что ли, инженер? А почему без очков? Интеллигенты в очках должны быть.

Шахов хмыкнул, с противоположного лежака раздался молодой голос:

– Ты, Макарушка, ещё спроси, почему без шляпы? Интеллигенты беспрерывно должны шляпы носить.

С пробуждением ночной смены в вагончике установилась лёгкая атмосфера дружелюбного подтрунивания, объектом которого являлся недалёкий Макар. Особенно изощрялся самый младший, помбур Шахова, шутки которого бывали довольно грубоватыми, но вписывались в общество молодых мужиков. Макар же сносил насмешки молча, лишь изредка взрываясь, но отплатить той же монетой не умел.

Мезенцев подумал, что нынешняя ночная смена – хорошие ребята, и в будущем неплохо бы найти с ними общий язык. Конечно, когда он станет главным инженером партии или тем паче экспедиции, начальником ему становиться не хотелось, должность главного инженера импонировала больше, когда он станет руководителем, уж он непременно позаботится, чтобы на самых отдалённых участках, вроде Глухарного, люди не спали на грязных простынях. Как-то это не очень порядочно, самому пользоваться комфортом, зная, что твои подчинённые вынуждены бичевать.

Подтверждая его мысли об объекте насмешек, Шахов добродушно сказал:

– Чего стоишь, как не родной? Садись, вон, на табуретку к столу, сейчас есть будем. Ты на этого балабона внимания не обращай, он отродясь такой.

Весёлый голос из-под одеяла добавил:

– Он из мамки шибко быстро выпрыгнул, повитуха старенькая была, поймать не успела, он, бедненький, головушкой об пол ударился, и орёт с тех пор.

Макар поморщился, обиженно сапнул, приспустил рукава на куртке, ухватил кастрюлю с варевом, водрузил на стол, и рывкнул:

– Жрать садитесь, клоуны!

Пока Макар наливал в объёмистую миску сытно пахнущее хлебное, состоявшее из картошки с тушёнкой, ночная смена умылась под громоздким умывальником, близнеца, создававшего комфорт в общежитии. Обладателем весёлого задиристого голоса оказался юноша с открытым симпатичным лицом, покрытым на скулах и подбородке мягким пушком, и несколько длинноватым носом. Звали юношу Коля Снегирёв. Первым, не дожидаясь хозяев, черпнул из миски Яшка. Коля, глядя поверх полотенца на гостя, у которого напрочь отсут-

ствовало стеснение, округлил глаза, и предостерегающе, словно незадачливому гостю грозила смертельная опасность, воскликнул:

– Яшка, остановись! Там же свинина!

Яшка засмеялся, скаля белые, как на плакате в зубо врачебном кабинете зубы, ответил, довольный шуткой:

– А я, Коля, русский татарин. Всё ем и говядину, и свинину, и водку пью.

– И по дэвкам бэгам, – коверкая слова, добавил Коля.

Уже усевшись за стол, и принявшись за еду, Шахов спросил:

– Что на забое, Макар?

Против ожидания, Макар ответил не грубостью, как Ивушкину, а вполне нормально:

– Погромыхивает, корешки вышли, однако.

Коля с набитым ртом повелел:

– Чтоб трубы достали, и на новую точку встали. С забуркой не майтесь, сами справимся.

Макар, воспринимавший всерьёз даже явные шутки, раздражённо матюкнулся.

– Ага, раскатал губы. Нет уж, мы ещё побурим, а трубы вы тащите, а мы с утра и перевезёмся, и забуримся.

Коля не успел окончательно раздраконить простоватого собрата, у которого, от закипавшего гнева, уже напрягались скулы и начинали сверкать очи. В вагончик, сразу сделав помещение тесным, вместе с техноруком вошли ещё трое мужчин. Новичок украдкой рассматривал вошедших, угадывая, кто есть кто, и по-детски определяя характер – «злой – незлой». В степенном мужике, по сосредоточенному виду, неторопливым уверенным движениям, Мезенцев признал Иванова, мастера третьей бригады. Блондин с блёклым взглядом, сероватой щетиной на лице, в не по сезону расстёгнутой энцефалитке, был, очевидно, вторым бурильщиком. Ивушкин назвал его по фамилии – «Черных», Макар же обратился ласково – «Русачок». Из чего следовало, что технорук, в отличие от помбура, по какой-то причине не жаловал бурильщика. Обликом блондин напрашивался на определение – «серячок». В последнем, от которого несло соляжкой, оставившей следы на круглом лице, угадывался тракторист, называли его то Игнатом, то Вогулом. Игнат снял вытертую солдатскую шапку, обнажив короткие чёрные волосы, прилипшие косицами ко лбу, и первым сунул руки под рукомойник. В облике Игната присутствовало неуловимое нечто, делавшее его схожим с пушистым домашним зверьком. Возможно, круглые карие глаза навывкате, округлый подбородок, тугие щёки или мягкие движение, или же всё вместе подспудно действовало на воображение, и при взгляде на тракториста представлялся хитрющий кот, тихой сапой пробирающийся в хозяйскую кладовую за лакомством. Сторожкий наблюдатель, украдкой рассматривавший новых знакомцев, поймал цепкий взгляд. «Кот» с не меньшим интересом приглядывался к самому новичку.

Ивушкин зыркнул на Макара, и тот быстрее заработал ложкой. Мезенцев почувствовал себя виноватым, – велено разгружать машину, которая возможно срочно требуется на базе, а он рассиживается за столом, – торопливо встал. Макар черпнул в последний раз ложкой, и, оставив чай на потом, поднялся с лавки, буркнул Мезенцеву:

– Ну, чо стоишь, идём разгружать.

Разгрузка вызвала у Макара раздражение и воркотню, а тяжеленный ящик с соединительными муфтами привёл к взрыву негодования.

– На кой хрен они эти муфты возят? Кого имя делать? Это на глубоких скважинах столбы муфтами собирают. А у нас кого? Начальнички, мать их, долбак на долбаке.

Из вагончика вышли Игнат с Ивановым, тракторист завёл трактор, и поехал вдоль по профилю. Иванов крикнул Макару, уже успевшему закурить сигарету:

– Иди за трактором, подцепишь подсанки.

Дождавшись возвращения трактора, влекшего на жёсткой сцепке небольшие металлические сани с коробом из листовой стали, в котором с независимым видом сидел Макар, мастер велел загрузить часть оборудования, чем вызвал у крикливого помбура новый взрыв эмоций.

– Это для второй бригады? Да я им чо, грузчик? Я им не нанимался, пускай сами идут и грузят. Вот, кажинный раз, то грузи им, то разгружай. Вот, у нас не буровая, а перевалочная база.

Причитания работяги, раздражённого необходимостью выполнять работу, выходящую за круг прямых обязанностей, не вызвали у мастера никаких чувств. Спокойно, словно рядом и не раздавались возмущённые матерки, Иванов велел Мезенцеву забрать рюкзак, добавив:

– Дальше на этом такси поедете.

Поддержание жизнедеятельности бурового участка, находящегося на удалении от базы, на котором персонал живёт здесь же, всегда требует выполнения разнообразных работ, связанных и с техническим обеспечением, и хозяйственными нуждами. На каждое телодвижение наряд не составишь, а делать-то надо. Макар, проработавший на буровых десятков лет, прекрасно это знал, но таков уж характер у человека, без брюзжания и шагу ступить не мог. Но в восприятии Мезенцева за ним прочно утвердилась характеристика скандалиста и рвача.

Ивушкин отказался от еды, и, сидя у столика с радиостанцией, пил чай. Поглядев на Мезенцева, закидывающего за плечо рюкзак, выплеснул недопивки под печь на песок, и споро вышел следом.

У работавшего на холостом ходу трактора стоял Игнат со сбитой на затылок шапкой, и сетовал на судьбу.

– Заколебала эта дорога. Только и знаешь, туда-сюда, туда-сюда, уже голова от тряски отваливается. Не мог ты, Данилыч, с утра приехать. Я час, как со второй с перевозки вернулся, и опять колотиться.

Ивушкин, которого остановил каким-то вопросом Иванов, закончил разговор с мастером, нетерпеливым жестом правой руки прервал причитания тракториста.

– Ладно, не ной, сам съезжу.

Игнат от удовольствия, снял шапку, пригладил пятернёй волосы, ушёл в вагончик.

Трактором Иван Данилович управлял уверенно, но резко. Пока ехали по профилю, изредка потряхивало на оставшихся кое-где стволах деревьев, уже порядком измочаленных гусеницами тракторов и полозьями саней. Когда же через километр свернули на лезущую в гору каменистую дорогу, Мезенцев нашёл сетования Игната вполне справедливыми. Сила у сотки была немереная, трактор швыряло на камнях и выбоинах, звон патрубков катавшихся по металлическому кузову вплетался в рёв двигателя. Руки Ивушкина уверенно двигали рычаги фрикционов, лицо было бесстрастно, словно с комфортом катил в «Жигулях» по всесоюзной трассе, а не пробирался на безрессорной железяке по козьим тропам. Через полчаса перевалили через гребень отрога, дорога стала мягче, но с облегчением Мезенцев вздохнул, когда свернули на профиль и впереди замаячил расцвеченный лампочками копёр.

Из буровой доносился глуховатый рокот дизеля, обе створки двери были распахнуты настежь, виднелся грязный вращатель, лежащий на полу фарштуль. На широком трапе громоздились короткие обсадные трубы. Ивушкин ругнулся:

– Опять в тыщу засели, хоть милиционера ставь, чтоб гонял.

Обитатели вагончика никак не могли не слышать рокот подъезжавшего трактора, но приезда начальства не ожидали. Иван Данилович ошибался, в карты никто не играл. Ночная смена отдыхала. Старший читал потрёпанную книгу, младший курил, пытаясь сотворить из дыма кольца. Сосредоточенность написанная на лице его говорила о важности занятия, но из вытянутых трубочкой губ вылетали не кольца, а округлые клочки дыма. Дневная смена

сидела за заставленным грязной посудой столом и пила чай. У рослого парня в заляпанной рыжей глиной робе, появление начальства не вызвало никаких эмоций. У его товарища выражение лица неумолимо изменилось, приобретя признаки неуверенности и растерянности. В глаза бросалась не сама растерянность, а усилия, с которыми она скрывалась. Поздоровавшись, он тычком безымянного пальца поправил очки, закурил болгарскую сигарету, вытряхнув последнюю из лежавшей на столе пачки. Из пачки выпало три сигареты, и одну очкарик протянул Ивушкину, но тот от сигареты отказался, и, усевшись монументом на табуретку, закурил собственный «Беломор». Обведя обоих ироническим взглядом, язвительно спросил:

– Что уже наработались? И давно сидим?

Здоровяк и ухом не повёл, инсинуации начальства его словно бы и не касались. Очкарик отёр тыльной стороной ладони пот со лба, и с ухмылочкой, не вязавшейся с минутной растерянностью, принялся многословно объяснять:

– Зашли только, Иван Данилович. Передохнуть, чайку попить. Вон, Олег уж на ногах не стоит. Замаялись с обсадкой, не идёт ни в какую.

– Да я вижу, работать – мёрзнем, чай гонять – потеем. Что на скважине, толком рассказывай, – сердито потребовал Ивушкин, глядя на очкарика твёрдым, раздевающим взглядом.

Тот поёжился, деревянным жестом поднёс ко рту сигарету, глубоко затянулся, выпустил дым в потолок, блюдя достоинство, вздохнул.

– Забурились в одиннадцать. Я бурил, Олег перевозку заканчивал, сани цеплял, отцеплял, – в пространных объяснениях сменного угадывалось желание скрыть туманом слов что-то неприятное для него, за что его непременно отругают. – Направление воткнули четыре метра. Всего уходки 12 метров, обсадили – восемь. Вот, восемь метров затолкали, и дальше встало. И с расходкой пробовал, и с вращением, встало и всё. Я виноват, не идёт, если? – закончив объяснения сменный, выжидательно смотрел на начальство.

Рентгеновский взгляд Ивушкина читал мечущиеся мысли, проникал в подоплёку событий, прикрываемых словоблудием. Очкарик как ни пыжился, чувствовал себя неудобно, часто облизывал губы, взгляд его пугливо отскакивал, встретившись с глазами технорука.

– В общем, онанизмом занимаетесь. Тебе, Валера, сколько раз объяснять, обсадка в глине должна идти вслед за забоем. У тебя скважину затынуло, и твои двенадцать метров коту под хвост.

– Ага, чтоб трубы забородило? – задиристым тоном воскликнул сменный и нервно загасил окурки в банке из-под тушёнки.

– Ты, когда буришь, какую расходку делаешь? – вздохнул Ивушкин, вынужденный повторять прописные истины.

– Ну, двадцать-тридцать соток.

– Вот именно. Так с чего трубы забородит? Ладно, идём на буровую.

Смена, предвкушая неприятные для себя минуты, предводительствуемая техноруком отбыла на буровую, на нового члена бригады никто не обращал внимания. Мезенцев потоптался у печки, отнёс рюкзак в дальний угол вагончика и отправился следом, знакомиться с местом работы.

Представшая перед глазами картина, повергла в тихий ужас. Цепные ключи, вилки в беспорядке валялись у устья скважины. Пол, вращатель покрывали лужицы и кляксы красноватой глины, перемежающихся на гидроцилиндрах с грязными потёками масла. Щитки лебёдки и пульта, как ненужные предметы роскоши валялись у стенки тепляка. Свободное пространство у гидрораспределителя занимала промасленная ветошка, из-под которой вытекала тёмно-коричневая струйка. Грязные лампочки освещали тепляк тусклым красноватым светом. Место работы производило удручающее впечатление. Где-то на Марсе составлялись разработки по научной организации труда. За все свои три производственные практики подобного надругательства над оборудованием Мезенцев не встречал. В железорудной экс-

педиции, проводившей работы в промышленном районе, где проходила последняя, преддипломная практика, последующая вахта не принимала смену, не только из-за пролитого раствора на буровой, но из-за грязи на трапе. Чистоту станка можно было проверять едва ли не носовым платком. Вид буровой вызвал оторопь.

Очевидно, Ивушкин гневно высказывался именно на тему грязи и беспорядка. Валера поправлял очки при каждом слове, нёс бессмыслицу о занятости, бесполезности ограждений, слесарях, которые должны вовремя производить ремонт. Олег равнодушно поддакивал.

– Порядок наводить техника должна. Смена кончится, ключи приберу, а пол пусть техника моет, я не обязанный.

Ивушкин смотрел волком, ничего не отвечал. Скинув короткий полушубок, велел сменному:

– Добавь оборотов.

Валера, обрадованный окончанием выволочки, вьюном скользнул за спиной технорука, двинул рычажок у топливного бака, дизель ответил мощным рокотом. Иван Данилович медленно повернул пластмассовое колёсико дросселя. Мезенцев глянул на манометр, перевёл взгляд на дрилометр. Давление в гидросистеме определялось по наитию. Стрелка на манометре безвольно повисла головой вниз и тряслась в унисон с содроганиями станка, на дрилометре застыла посередине шкалы, и стояла как приваренная. «Господи, как же тут работать? – сама собой возникла мысль. – Колдовать, что ли?» Станок, между тем, вставал на дыбы, дизель не рокотал, а ревел, как смертельно раненый зверь. Ивушкин, выдержав пару минут, и удостоверившись, что вниз трубы не идут, сбросил давление, успокоив двигатель. Заглянув на устье, сплюнул, бросил язвительно сменному:

– Как же ты, не подсоединившись, расходку делал и вращение давал? Подсоединяйтесь.

Матерясь сквозь зубы, Олег вышел наружу, и полез под тепляк. Валера опустил в проём переноску, подал ключи. Пока помбур, установив на трубы переходник, выбирался из-под тепляка, сменный, открепив нижний патрон, завернул шпинделёвку в переходник. Ивушкин велел закрепить оба патрона, и, сопроводив свои действия тяжким вздохом, Валера исполнил указание. Подготовительные работы были выполнены, и Иван Данилович принялся упражняться. Станок стонал, вставал на дыбы, падал на колени. Из-под гаек гидроцилиндров, из пульта ручьями текло масло. Подобное издевательство мог вынести только тяжеловесный ЗИФ-650А, у нового станка непременно что-нибудь да лопнуло, оторвалось, сработал предохранительный клапан. У бедолаги, над которым изгалялся Иван Данилович, предохранительный клапан во избежание нежелательных эксцессов, очевидно, был завёрнут до упора. Но не выдержал и ветеран. Кончились упражнения технорука неожиданно. На пульте лопнула трубка, и упругая струя ударила Ивушкину прямёхонько в лицо. Приторно запахло горячим маслом. На несколько мгновений технорук застыл изваянием, затем качнулся влево, отжал фрикцион. Валера втянул голову в плечи, присел, и сбавил обороты дизеля. Перед Ивушкиным уже стоял невозмутимый помбур с комом чистой ветоши, и заботливо вытирал начальству лицо. Ивушкин, едва не оттолкнув Олега, забрал ветошь, вытер лицо, шею, геологическую куртку, надетую поверх пиджака. Удалив кое-как масло, оглядел себя, рывками стянул куртку, бросил на рундук.

– Пиджачок-то, Иван Данилович, тоже того, – проговорил Олег, и совершенно искренне добавил: – Жалость-то, какая!

Позже, пересказ этой сцены с совершенно необходимыми в подобных случаях добавлениями, украсил фольклор Глухарного участка.

Непредвиденный казус не лишил Ивана Даниловича самообладания, лишь утишил гнев. После масляной ванны технорук словно помолодел, – кожа лица блестела и лоснилась.

– Запасная трубка есть? – спросил у сменного, словно ничего не произошло.

Валера ушёл в дальний угол тепляка, порылся в ящике под верстаком, вернулся с изогнутой медной трубкой, на концах которой болтались накидные гайки. Ивушкин повертел трубку в руках, резюмировал:

– Вот этот конец нагрей и развальцуй получше.

Валера согласно покивал, и, сбив на затылок лыжную шапочку, спросил:

– А со скважиной кого делать, Иван Данилович?

– Ты направляющую на 196 посадил? – Валера кивнул удручённо, и Ивушкин продолжал назидательно: – Сколько тебе, Валера, можно говорить, чтобы ты за метрами не гнался. Боком выходят твои рекорды. Всё, моё терпение лопнуло, с Нового года все ваши бригады перевожу на котёл. Будете работать, как все люди.

– Да я что, против? – с некоторым подобострастием поддакнул Валера. – Шишкин не согласится в котёл работать, он же у нас самый опытный. Из-за него же каша заварилась.

– Да уж на счёт гонору, вы с ним два сапога пара. Что Шишкин? Против всего коллектива пойдёт, пусть работу в другом месте ищет.

Ивушкин, не застёгивая, надел полушубок, намереваясь покинуть буровую, но Валера остановил его, не желая брать на себя ответственность за дальнейшие события.

– Так кого со скважиной-то делать?

– Трубы доставай, либо на 216 забуривайся, либо сто семьдесят третьим разбуривай и опять сажай.

– Так я как их вытащу? Не идут же, сами видели.

– Двойной тягой, Валера, гидравликой и лебёдкой. Не получится, иди за трактором и передёргивай.

Технорук словно забыл про молодого специалиста, Мезенцев хотел напомнить о себе, но в дверях Ивушкин остановился и кивнул на него:

– Вот его три смены постажируешь.

Рывкнув, выпустив клочок густого дыма, трактор развернулся, и укатил прочь.

– Ну её на хрен, бурёжку эту, идем, чай допивать! – объявил Валера, и первым зашагал к вагончику.

В вагончике за кружкой чая Валера в лицах представил происшествие, случившееся на буровой. Рассказчик импровизировал, и действующие лица выглядели несколько иначе, чем в действительности. Ивушкин словно бы искал у него, Валеры, совета, даже как бы растерялся, но потом техноруку вожжа под хвост попала, «знаете же Данилыча», и, не прислушиваясь к голосу разума, взялся сам исправлять положение, за что и поплатился. Гвоздём репризы явилось воспроизведение сцены с двумя действующими лицами – Ивушкиным и Олегом. Ивушкин предстал с хлопающими глазами, разинутым ртом и нечленораздельным мычанием. Илья, помбур ночной смены, хохотал до упаду, Семён, бурильщик, качал головой и фыркал. Сам Валера, злорадничая, кривил тонкие губы, запрокидывал голову и победоносно оглядывал зрителей. Мезенцев надеялся узнать от опытного бурильщика способ разрешения аварийной ситуации на скважине, но Валера обошёл этот момент.

В шесть Валера вспомнил, что смена ещё не закончилась, и вдвоём с помбуром отправился на буровую, поднявшемуся стажёру снисходительно бросил:

– Да ты-то куда? Сиди, ещё наработаешься.

Вернулись они около восьми. На вопросительный взгляд сменщика Валера ответил небрежно:

– Гидравлику подшаманили маленько, сейчас не так течёт. На трубы уж времени не осталось.

Известие о том, что ему предстоит исправлять чужие грехи, Семён встретил равнодушно.

– Ладно, исделаем чего-нибудь.

После ужина сели играть в тысячу. В этой игре Мезенцев был слабоват, поэтому осторожничал и оставался на нулях. Валера с Олегом поминутно собачились, доходя до высоких тонов. Правила игры, как конституция древних спартиатов, были не писаны, и в отсутствии геронтов, хранителей обычаев, вызывали горячую дискуссию. В спорах побеждал Валера, но «носы» все три раза бил Олег. В двенадцать пришла ночная смена передохнуть и перекусить. Напившись чаю, Олег улёгся спать, а Валера уговорил Семёна сыграть разок. Немногословный Сеня пару раз удачно «затемнив», через полчаса щёлкал картами по носам партнёров. Про скважину Семён объяснил кратко:

– Трубы подняли, скважину прочистили, сейчас обратно сажать будем.

Валера почему-то не поинтересовался, каким образом сменщику удалось выправить ситуацию. Мезенцев расспрашивать постеснялся, лишь подсадовал, что сел играть в карты, а не пошёл на буровую.

Лежбище устроил на верхней полке. В вагончике нашлись три свободных матраца, подушка, и два суконных одеяла. Не обошлось без фантазий Валеры на тему ночного «пи-пи». Поддерживая шутки, Мезенцев ухмылялся, но Валерин юмор ему разонравился.

Глава 2

1

– У тебя шарик не играет, – объявил Валера, глядя на медленно, по миллиметрию, ползущий вниз направляющий шток вращателя. – Залип видать. Чаше расходку делай. Когда шарик играет, при расходке скачок происходит. Понял? – и повторил снисходительно: – Всё, не будет толку, подымайся.

Ночью, угревшись под суконными одеялами, перебирая перед сном первые впечатления, Мезенцев обнаружил в дебрях памяти «безнасосный способ бурения», при котором с помощью шарикового клапана за счёт расходки создавалась призабойная обратная циркуляция промывочной жидкости. При таком способе отпадала необходимость в снабжении буровой промывочной жидкостью, и обеспечивался высокий выход керна. Но годился этот способ, который не совсем точно ещё называли бурением «всухую» лишь для малых глубин и имел невысокую производительность. Действительно, «безнасосный способ» они изучали, но изучали ещё в начале курса, скорее не как практический способ, а как эпизод из истории развития бурения. Двойные колонковые всевозможных конструкций, эжекторы, последняя новинка – снаряд со съёмным керноприёмником, существовали где-то в другом мире, на Глухарном время остановилось на вчерашнем или даже позавчерашнем дне. «Вот это я влип, – подытожил Мезенцев скудные познания о дедовском способе бурения, и подумал с неприязнью: – И зачем, спрашивается, им инженер понадобился?» После этой мысли ему даже стало жалко себя. Конечно же, для такого бурения нужно не высшее образование, а навыки, опыт, которых у него нет, и которые за три смены стажировки он навряд ли обретёт. Но обратный билет ему никто не выдаст, причитания о превратностях судьбы вызовут только презрение, поэтому нечего кваситься.

Мезенцев аккуратно, фиксируя каждое действие, левым вращением отсоединил шпинделёвку, отвернул струбцины, отодвинул станок от устья. Подъём инструмента производил осторожно, фарштуль опускал, когда помбур отходил в безопасное место под крышу. Олег не выдержал, и, не считаясь с чужим самолюбием, прикрикнул:

– Ну, с тобой заснуть можно, так не то, что на масло, на хлеб не заработаешь, – и зарычал на сменного: – Давай сам подымай! Я вам чо, подопытный кролик? Третий день тренируете!

Колонковую поднимал Валера, перехватывая рукоятки лебёдки, бросил поощрительно:

– Ты смелей, кого боишься? Руку на тормозе держи и следи за фарштулем. Тормоза у нас хорошие, не бойсь!

Глина залепила колонковую, как пластилин, и вываливаться наружу не желала. Валера бухал трубой о плаху, Олег с Мезенцевым поочерёдно колотили по трубе кувалдой, оставляя на металле вмятины, из колонковой выпадали лишь комки глины. Глина на этой скважине вышла не зелёная, и не синяя, а какого-то отвратного цвета.

– Самая поганая, – определял Олег. – Красная, та более-менее выколачивается. А эту, блин, молотишь, молотишь, руки отобьёшь, колонковую изуродуешь, пока выбьешь.

В колонковой что-то гукнуло, глина пошла гуттаперчевым столбиком, за которым вылился наработанный раствор. Олег едва успел подставить под мощную, густую струю «парашу». Разложив керн в ящик, Валера объявил чаепитие.

У дальней скважины возле ящиков с керном сидела женщина.

– Наконец-то! – воскликнул Олег. – Геологиня пожаловала, думал, заездку отработаю, так категорий и не увижу.

– Чего ещё наставит, – проворчал Валера.

Следующим рейсом отбили контакт, Олег едва успевал перекрепляться.

– Идёт как в масло, тут главное затереться, чтоб керн не растерять, – пояснил Валера.

Песчаных отложений оказалось шесть метров. Характер бурения вновь изменился, уходка замедлилась, снаряд дёргался и погромыхивал.

– Разруха пошла, – объяснил Валера, и добавил с сожалением: – Геолог тут, побурить не даст, а самая категория пойдёт.

Олег ушёл варить обед, Мезенцев его с готовностью подменил, Валера снисходительно позволил постоять у станка, и пройти рейс, но затирался сам.

Над двумя объёмистыми эмалированными мисками поднимался духовитый пар, словно привлечённая запахом пищи, в вагончик вошла высокая крепкая женщина с открытым добродушным лицом некрасовской героини. Буровики, давно поджидавшие её, хором воскликнули:

– Здравствуй, Валентина Матвеевна!

Женщина улыбнулась.

– Приятный аппетит!

Её тут же наперебой, пригласили к столу. Илья по команде Валеры достал из тумбочки глубокую металлическую миску. Валентина Матвеевна не торопясь, положила на табуретку полевую сумку, сняла вязаную шапочку, геологическую куртку с капюшоном, оказавшись в коричневом свитере крупной ручной вязки. Освободившись от верхней одежды, тщательно вымыла руки, от обеда не отказалась, но прежде чем приступить к еде, сполоснула под ручным краном ложку. Илья тут же завёл речь о категории, но Валентина Матвеевна небрежно отмахнулась.

– Погоди, поем. С утра чаю попила, уже живот подвело.

К Ильясу Фахрутдинову относились насмешливо, среди буровиков котировался легковесным болтуном, и прозвище имел соответствующее – Ботало или того пренебрежительней – Боталка. Был Илья на год, полтора постарше Коли Снегирёва, за короткое время снискавшего славу остряка, но снегирёвские шутки звучали к месту и попадали в яблочко. Илькина же болтовня раздражала, вызывала в памяти изречение Козьмы Пруtkова, сам Илья не мог понять причины, и злился, когда предлагали заткнуться. Ему бы помалкивать, но по привычке легковесных, недалёких людей, Илья старался изобразить из себя толкового, знающего человека, лез со своими замечаниями в любой разговор.

К категории, а именно о ней не терпелось поговорить всем присутствующим, вернулись за чаем.

– Что есть, то и ставлю. Будто первый раз на буровой. Глина седьмой категории не бывает, – добродушно отвечала Валентина Матвеевна.

– Так что, седьмой вообще нет? – быстро спросил Семён.

– Ну, почему нет? По разрухе, по коренным седьмую ставлю, кое-где восьмая проскакивает. Только вы доверием злоупотребляете, мальчики. Ну, я скажу вашему Попову, и Иванову. Договорились на участке по очереди жить, так надо за обеими вышками приглядывать. У вас на одной скважине пять метров коренных. Это куда годится?

– Так ты шибко быстро керн описываешь, Валентина Матвеевна, – вставил Валера. – Я за тобой приглядывал. Вот она там сидела, глядишь, уже на другой точке. Конечно, так как категорию углядишь?

– А кого глядеть, да рассусоливать? – хохотнула геологиня. – Всё одно и то же. Чай, не первый год замужем. – От натопленной печки веяло жаром, горячий чай согревал изнутри.

От тепла Валентина Матвеевна подобрела, смотрела дружелюбно. – Ну, натопили прямо, как в бане, ажно упрела. Конечно, все мы люди, все человеки, всё понятно, каждому заработать хочца, но порядок есть порядок. Лишку вы бурите. И метры с вас списывать жалко, и как участковому объяснять не знаю. Вот в третьей бригаде порядок, ни метра лишнего не набурено.

– Ну, ещё бы! Там и мастер над душой стоит, и трактор там. А мы что, простаивать должны, пока трактор придёт?

– Так это ваши проблемы, Валера. У вас вечно что-нибудь да не так, то трактора нет, то сломался. Почему геологи ваши грехи должны покрывать? Ты же грамотный человек, в техникуме учишься, должен понимать, не ради метров бурим.

– Нам, какое дело? – хмыкнул Олег. – Мы за метры деньги получаем. И вообще, мы буровики, работяги. Это пусть начальство решает, пусть ещё один трактор дают. А нам за простой две копейки платят. Вот погоди, завтра Шишкин приедет, категорию из горла выдерет, про перебурку только заикнись, так по кочкам понесёт, маму вспомнишь.

– Фи-и! – Лицо Валентины Матвеевны тронула презрительная гримаса. – Что мне Шишкин? То ли я сама матюкаться не умею? Пошлю куда подальше, пусть хоть лопнет. Вот, испугалась я Шишкина, пусть он меня боится. Носитесь с ним, как дурни с писаной торбой. Горло драть-то он мастер, и что за человек, только бы хапать, да хапать. За копейку горло перегрызть готов.

– Он же, Шишкин, избу собрался ставить, вот и рвёт, – пояснил Олег.

– Какую избу? Кого несёшь-то? – тут же возмутился Валера, ставивший под сомнение любые слова своего помбура. – Он в своей избе живёт, зачем ему ещё одна? Буровишь, чо попало.

– Что слышал, то и говорю, – ответил Олег повышенным тоном. – Он не себе, а сыну. Лесобилет уже выписал. Хотит сына сюда, в Глухарный переселить, так люди говорят.

– Т-хе! Поедет сын в нашу глухомань. Он же в городе, на автобусе пашет. Автобусники хорошо заколачивают. Шишкин, вот, сам хвастался, как сын хорошо в городе устроился. Ну, живёт только в общежитии, так квартиру обещали скоро дать. Да Шишкину уж на пенсию пора. Ему то ли нынче, то ли на будущий год пятьдесят пять стукнет. Охота была на пенсии хребет ломать. Он же вот, весной месяц на больничном с радикулитом промаялся.

– Вот он и хочет сыну избу поставить, потом на пенсию идти.

– Да чо, сын дурак, что ли? На автобусе целый день в тепле, смену отработал и домой. Дома ни печку не топить, ни воду по морозу не таскать, ни со скотиной управляться, лежи на диване, телевизор смотри. И всё бросит, и в Таёжный поедет? На кой он ему сдался? Зря Шишкин хлопочет. Куда он тут пойдёт? На буровую?

– Он вроде договорился на БелАЗ его устроить.

– А чо, на БелАЗах тоже хорошо заколачивают! – Илька, наконец, дождался случая вставить и своё слово. Илькину сентенцию встретили фырканьем.

Шишкинские проблемы задели Валеру за живое. Вначале раздражила вероятность строительства совершенно ненужной, по его мнению избы, затем возмутила возможность устройства сына в рудоуправление на завидную должность. При этом Валере не было абсолютно никакого дела ни до новой шишкинской избы, ни до шишкинского сына. Но уж таким несносным характером обладал Валера.

– Вот, прямо его сразу и возьмут на БелАЗ. Свои мужики по году дожидаются, а тут только приехал, и сразу, пожалуйста, на БелАЗ посадят. Да сроду его никто сразу на БелАЗ не посадит.

Олег по своей въевшейся привычке принялся возражать и доказывать своё, спор перешёл в плоскость бестолковых и пустых словопрений, когда оппоненты не устанавливают истину, а из принципа перечат друг другу.

Валентина Матвеевна успокоила разошедшихся не на шутку спорщиков.

– Ладно вам. Распетушились, прям, будто какое дело до Шишкина. Всякий сходит с ума по-своему.

Пора было идти на буровую, но Валера тянул минуты отдыха.

– Ты у нас долго пробудешь?

– Пока не управлюсь. Что сегодня сделаю, к вечеру в первую пойду, заездка кончается, Порфирьев по рации голос сорвал, геолога требует. Потом к вам вернусь, и на третью.

– В первую? Она ж на картировке, а ты по золоту. А Лизавета где?

– Да нам, техникам, какая разница, золото или картировка? У Лизаветы дитя приболело. Попросили. В общем, на неделю.

Валера не отставал с вопросами, даже закурил новую сигарету.

Выяснилось, что приехала Валентина Матвеевна вчера, до темна описывала керн в третьей бригаде, к ним припёрлась пё-хом. Вогул занялся трактором, и вообще заявил, что трактор не такси, и геологам положено на своих двоих путешествовать. Через реку переправлялись уже на тракторе, можно было бы и на машине, но Невзоров строго настроено запретил. А когда отправлялись с базы, от злости чуть не лопнул, что из-за одного геолога приходится машину гонять. Маслякова на три буквы послал, дело до начальника и главного геолога дошло.

– Ой, смотри, Матвеевна, заездка заканчивается, мужики заскучали, как бы в Дикой бригаде чего не вышло. И как тебя мужик с ночевой на участок отпускает?

– Ништо! Знал, кого замуж брал. У меня дома кровь закишет. Материм работу по-всякому, а я вот в камералке не смогла бы работать. Три дня дома пробуду, на участок тянет.

– К мужикам! – Валера ткнул геологиню в бок локтём, и поспешно отстранился. Та замахнулась кулаком, изображая гнев.

– Ой, мужики, мужики! У вас у всех мозги на один манер скроены. Если женщина одна среди мужчин, так непременно греховодничать станет. – Валентина Матвеевна посмотрела искоса на Мезенцева, интересуясь мнением нового человека на щекотливую тему. Но тот промолчал, внутренне досадуя на разболтавшегося Васильева. Валентина Матвеевна насмешливо добавила: – Вроде у женщин одна мысль, как со двора, так побыстрей к мужикам.

– А то не бывает? – Валера ехидно ухмыльнулся. – Я не про тебя, конечно, я вообще.

– Ой, сказал! – Валентина Матвеевна всплеснула руками. – Да среди мужиков, если хочешь знать, таковых в десять раз больше, чем среди женщин. Чуть за воротник попало, всё, заблестели глазёнки, так и норовит к чужой бабе притулиться. Ладно, – Валентина Матвеевна повела плечами, пригладила волосы. – Пригрелась я, заболталась с вами, а работа ждёт.

Прежде, чем отправиться описывать керн на предыдущих скважинах, геологиня заглянула на буровую. Несмотря на недавние дружеские беседы, приговор был категоричен.

– Всё, всё, всё, – приговаривала Валентина Матвеевна, посмотрев на извлечённые последним рейсом «камушки». – Ещё рейс и скважину закрываю, – спускаясь по трапу, добавила: – Хоть на себе перевозите.

Хотя перевозка была выгодным делом, Васильеву до смерти не хотелось возиться с трубами, укладкой оборудования, и прочими неприятными работами, сопровождающих переезд на новую точку. Он уж подумывал, не устроить ли ему ремонт, или потянуть время с трубами, как старшему на смене ему надлежало принять какие-то меры. К Иванову можно отправить своего помбура, самому готовиться к перевозке, вернее, дожидаться прихода трактора. Что в одиночку сделаешь на буровой? Можно предупредить Семёна, пусть Боталку отправит. Вызвав едва скрытое раздражение, рассуждения изворотливого сменного прервал настёрный стажёр, о присутствии которого Васильев забыл.

– Да вы добуривайте, к перевозке готовьтесь, а я за трактором схожу, – предложил Мезенцев, радуясь представившейся возможности принести пользу. – Времени-то уже порядочно.

Небо разъяснилось, воздух утратил сырость, и посвежел. Находясь весь день в помещении, он и не заметил смены погоды. Дышалось легко, воздух сам вливался в грудь, наполняя тело бодростью. Уныние, набегавшее чёрной тучей, исчезло. Не навечно же он попал в эту дыру. Закончится проект на золото, перейдут на бокситы, получают новые станки, начнётся настоящее бурение, и всё изменится. Интересно, как относится РГТИ к Глухарному участку. Будь он горнотехническим инспектором, позакрывал бы буровые к чёртовой матери, не переступая порог тепляка.

Солнечные лучи касались верхушек пихт, золотили редкую листву на берёзах, разнообразивших краснолесье. Мезенцев прибавил шагу, расстегнул ватную куртку. На перекрёстке просеки и таёжной дороги чудом сохранился вырвавшийся из гушины леса разлапистый куст боярышника. Тёмно-бурая листва почти облетела, голые ветки обильно усыпали коричневые ягоды. На нижних ветках сидела стайка обедающих снегирей. Мезенцев свистнул, но птицы лишь недовольно посмотрели на человека, и продолжали неторопливо склёвывать ягоды. Он подошёл к кусту, нарвал горсть ягод, снегири, покосившись на него, перебрались на верхние ветки.

У третьей бригады, сменившей две точки, стояли не один, а два трактора. Возле одного возился Игнат, крутивший мощным ключом с метровым усилителем стяжной винт на правой гусенице. Второй мирно тарыхтел на холостых оборотах. Ко второму трактору были подцеплены сани с высокими бортами. В вагончике находилось четверо. Коля Снегирёв возлежал на рундуке, и читал толстую книгу. Иванов и незнакомый мужчина с длинной жилистой шеей, удерживавшей птичью головку с давно вышедшей из моды стрижкой «полубокс», пили чай, ведя обстоятельную беседу. У столика с радиостанцией примостился парень в чистой геологической куртке, и просматривал буровой журнал. Мезенцев доложил Иванову о причине своего прихода и вольно сел на лавку, чувствуя себя уже не гостем, а полноправным родичем таёжного братства. Мастер поморщился, обратился к собеседнику.

– Думал до утра побурят. Придётся тебе, Анатолий, съездить. Воропаев растележился, как специально. Сейчас скажи, на перевозку ехать, две бочки арестантов наболтает.

– Геологи на участке, какая бурёжка, одни монтажи, – хохотнул жилистый. – Чего не перевезти? Перевезу, перевозку в путёвку допишу, мне деньги не лишние. Да дело в том, времени-то сколько? Пока доеду, то, да сё, в темноте перевозить придётся, а у меня задняя фара не работает. Я людей давить не хочу, мне в тюрьму неохота.

– Ты ж с ремонта приехал. Я считал, у тебя трактор на мази. – В голосе Иванова слышалось крайнее удивление. Вообще, к Кострыкину, такую фамилию носил жилистый тракторист, Иванов относился со значительно большим уважением, чем к Воропаеву. Уважительность чувствовалась по разговору, по тону, с которым вёлся разговор. Воропаев был всего лишь тракторист, а кострыкинский авторитет распространялся далеко за рамки непосредственной работы. И теперь оказывалось, что уважаемый, рассудительный тракторист закончил ремонт с недоделками. – У тебя лампочка есть? Может, у Вогула спросить?

– Ну, буду я у Вогула клянчить! – Коллегу Кострыкин упомянул с пренебрежением, и тоном, свидетельствующим, что собеседник-то его прекрасно понимает, пояснил Иванову: – Всё у меня есть, и проводка, и лампочка, всё, Мартыныч. Масла в голове у начальства нету. Сам знаешь, как у нас, лишь бы поскорей с базы выпнуть. У Данилыча аж кровь в жилах сворачивается, когда трактор дома стоит, а не на участке. Занарядили же керн вывозить. Вот, Фёдор Николаевич подходит уж около пяти. «Когда поедем?» Говорю, утром проводку, фару замену, сразу и поедем. Руки обтереть не успел, пяти минут не прошло, бегут, и Данилыч,

и главный геолог. Данилыч сходу понёс: «Ты уже неделю на базе торчишь, не мог проводку заменить? Чтоб завтра в обед на участке был, затемно выезжай. Трактор на участке ждут, а ты мне тут рака за камень заводишь. На участке заменишь». Ну, Данилыч, сам понимаешь, его ж не пошлешь. Вот, прям, не сотка, а ласточка. Утром выехал, в обед – на участке. Я, вообще-то, думал после такой дороги подтянуть, да проверить...

– А у меня фонарик есть, могу посветить на монтаже, – неожиданное предложение геолога вызвало минутное онемение.

Предложение «посветить фонариком на монтаже» было столь наивным, что Мезенцеву стало неудобно. Всё-таки, человек с дипломом инженера должен везде и во всём держать марку, и не выставлять себя в смешном виде.

Иванов предложение Фёдора Николаевича оставил без ответа, а тракторист мазнул взглядом по круглой голове, украшенной на затылке вихром, оттопыренным ушам, и в безличном обращении помянул любимую присказку про «масло в голове».

Отведя душу, Кострыкин споро собрался. Достал пачку «Примы», вставил сигарету в длинный тёмно-коричневый мундштук с ободочком под золото, и ушёл, дымя на ходу.

– Ну как, Алексей, освоился? Бурёжка получается? – спросил Иванов.

Мезенцев неопределённо пожал плечами.

– Осваиваюсь, – с усмешкой пояснил: – Надо сказать, подобный вид бурения мне мало знаком. Да бурение что, главное глину из колонковой выбить. А что, нельзя какой-нибудь насос приспособить, чтоб глину, как прессом выдавливать?

Иванов вздохнул.

– Да были и прессы. Всё было. Раньше вся партия на золото работала, тогда пять станков всего было. А на бокситы перешли, мы вроде пасынков стали. Всё же изнашивается, ремонтировать надо. А раз бурить на золото заканчиваем, вроде, и не к чему. Погоди, ещё налаешься с Невзоровым, ему наш участок, как бельмо на глазу, что ни заказываешь, всё в последнюю очередь, – и, повернувшись к геологу, спросил: – Что, Фёдор Николаевич, керн, откуда начнём вывозить?

– Да, пожалуй, со второй и начнём. Я с трактором поеду.

Иванов, надев шапку, покинул вагончик. Геолог закрыл журнал, подошёл к Мезенцеву, протянул руку и представился. Сделал это довольно церемонно, сообщив насколько ему приятно знакомство, проникновенно заглянул в глаза, словно пытался обменяться мыслями. Внезапно чихнул, сказал: «Извините!», и неожиданно сильно сжал ладонь, которую новый знакомец пытался высвободить. Фамилию свою произнёс таким образом, что Мезенцев не понял, от какого слова она произошла, «масло» или «мослы». Познакомившись, с помощью клетчатого, хорошо выглаженного платка освободил покрасневший, несколько бесформенный орган обоняния от переполнявший последний слизи. Наблюдая весь процесс очищения носа, просто сказать: «Высморкался», означало бы впасть в дурной тон. Спрятав платок в карман, ещё раз сказал: «Извините!» и принялся потчевать нового знакомого чаем из особого двухлитрового алюминиевого чайника. Чай был ещё горячим, с непонятным, противным вкусом. Собственно, это был и не чай, а какой-то напиток. Оказалось, Фёдор Николаевич пьёт специальный чай из чаги, которую собирает в свободное время, и которая «очень полезна для желудка». Из вежливости Мезенцев осилил одну кружку, Масляков выдул две.

Что-то было в Маслякове неестественное, наигранное, делавшее участкового геолога чужеродным среди окружавших его людей. Фёдор Николаевич словно взял себе в правило играть среди низших по культурному уровню людей особую роль. Роль должна была сблизить геолога с рабочими-буровиками, уверить их в его к ним расположении и искреннем участии, но продумал её Фёдор Николаевич плохо, и по нерешительности характера играл никудашно. Реплики невпопад, обращение на «вы» даже к Коле Снегирёву, чай «полезный для желудка», который кроме него самого никто не пил (перед тем, как опорожнить чайник,

Масляков предложил «кружечку» Коле, но тот, хихикнув, отказался), готовность услужить к месту и не к месту, рождали у непривычных к сантиментам людей, пренебрежительное к нему отношение. Тракторист Кострыкин, уважаемый человек на участке, относился к участковому геологу даже с презрением и свысока. Причину такого отношения Мезенцев понял позже, а вначале принял за довольно распространённое отношение сметливого простодушина к неумехе «образованному», барахтающемуся в непривычной для городского, деликатного человека быту таёжной жизни. И у него появилась жалость к Маслякову и антипатия к Кострыкину.

Оба инженера забрались в сани, предпочтя езду стоя, болтанке в жёсткой кабине. Перед тем, как забраться в трактор, Кострыкин спросил у Иванова:

– Это и есть твой преемник?

Тот кивнул, и со скрытой насмешкой пробормотал:

– Ну-ну, поглядим, посмотрим, что за дипломированный мастер к нам явился.

Вильнув саними, трактор объехал буровую, скрылся из глаз, а Никифор Мартынович всё стоял, сунув руки в карманы. Вот ведь натура человеческая! С самого Нового года ждал дня, после которого сможет закончить труды, и честно приступить к «заслуженному отдыху». Как было не ждать этого дня? И нервы поистрепал в мастерах, и тело наломалось в работе. Два года фронта чего стоят! До сих пор иной раз в поту среди ночи просыпается. А как бурили! На золото, какие станки? Считаю, всё на пупок, всё хребтом. Работал и на КАМах, тоже мало хорошего по нынешним временам. Да, по нынешним временам... По нынешним временам, начни припоминать ранившие годы, смеются. Когда с рычажных КАМов переходили на гидравлические ЗИФы, сколько радости было. Теперь первые ЗИФы устарели, и скорости не те, и оба патрона механические. У новых верхний патрон гидравлический, помбуры не скачут на капитанский мостик. Есть такие станки, на которых помбурам вообще лафа, оба патрона гидравлические, автоперехват. Бурили-то дробью. Дробью бурить – никакой институт не научит. Сменный нюх должен иметь, по какой породе сколько дробин сыпать, когда дробь, когда сечку. Дробь это тебе не алмазы. Заставь нынешних дробью бурить, непременно аварию посадят, как пить дать, пять минут побурят и снаряд приварят. А туда же, нос дерут да насмеваются. Что, дескать, раньше за бурение было? Да уж, влать наработался, что и говорить. Супруга всемерно поддерживала желание Никифора Мартыновича выйти на пенсию. «Ты ж за год и десятка выходных по-людски не отдыхал. Тебе ли жалеть об такой работе?» Оно и, правда. Выходной, не выходной, а в восемь Никифор Мартынович являлся на связь. Привычка. Между тем, сам сознавал, что вот, допустим, у Попова нет такой привычки, и ничего, живёт человек. Но теперь всё, баста! И он отдохнёт по-человечески. Никифор Мартынович представлял, как поедет в санаторий, в которых сроду не бывал, и станет там лечиться грязью. Это как же, грязью? Вывозиться, что твой поросёнок, и брюхом кверху? А что, другие ездят, почему и ему не съездить? Кострыкин, вон, уж раз пять съездил. Ну, у этого другое на уме. Кобелина. Годик отдохнёт, там придёт, поработает сменным, сколько сможет. Так Никифор Мартынович рассуждал на протяжении всего года, но вот приблизился долгожданный день, и заныло у будущего пенсионера сердце. Да как же он бросит всю эту кутерьму, как жить без неё сможет? Жена не зря приговаривала иной раз в сердцах: «У тебя две семьи. Первая – буровая, а мы – так, вторая или третья». Ведь подумать, правильно благоверная рассуждала. Если на буровой простой, у него сердце разрывается. В своей бригаде всё про всех знает, всю подноготную. Кто как с женой уживается, кто с тёщей цапается, как дети устроены. У Русака, вон, нелады. Попивает мужик, что к чему, с чего началось? Какой бабе такой оборот понравится? Трезвенников в бригаде, считай, нету, но всё же, выпивать по-разному можно. Не пьёт Коля Снегирёв только, иммунитет у парня к этому делу. Сам как-то рассказывал. Ещё в школе, в шестнадцать лет, с друзьями ради интереса попробовал. Попробовали, в общем, до зелёной блевотины. С тех пор как отрезало, никакой

охоты к пьянке нету. А парень-то компанейский. Кто со Снегирёвым в праздники в одной компании гулял, рассказывали, бабёнка и стопку, и другую хлопнет, а Коля – нет, исключительно брусничный морс да лимонад. Дела... Как же он оставит семью свою первую, родные они все ему. И на кого оставит? На вертопраха залётного? Знает он этих инженеров, им бы только срок свой положенный отбыть, да к городу прибиться. Станет он хоть с тем же Русаком возиться. Но машина закрутилась, отдел кадров готовил документы, а профсоюзный бог уведомил, что Иванов стоит в графике на май на санаторно-курортное лечение. А не дать ли делу задний ход, поработать ещё хоть малость, хоть пока работы на золото не завершатся?

2

В восемь мирное, спокойное жилище превратилось в толкучий рынок. В вагончик ввалилась вахта первой бригады, наполнив его топотом, гвалтом. Это всё был народ холостой, бессемейный, ни к кому, и ни к чему не привязанный, которому всё трын-трава, и море по колено. Ребята из первой бригады были дерзкими, задиристыми, любили покуражиться перед тюфяками-обывателями, похваляясь своей необычной судьбой. Именно первая бригада создавала геологоразведчикам сомнительную славу беспробудных выпивох и дебоширов. В партии первая бригада имела прозвание Дикой. Собирали Дикую бригаду с бору, да с сосенки, лишь бы дыру заткнуть. Что возмёшь впопыхах в бору, когда вот-вот лесник нагрянет? Какую-нибудь кривулину или гнилушку, а со случайной сосёнки и тем паче – пару недоразвитых шишек. От работников, составлявших прославленную бригаду, отпихивались все мастера, и коллективы бригад не желали видеть в своих рядах работничков, которым всё «по фигу». Бурение скважины – труд коллективный. Коллектив зависит от труда и отношения к труду каждого своего члена, но и всякий работник зависит от коллектива. И работники Дикой бригады прежде, чем оказаться в штрафниках, насолили не одной бригаде. Как непутёвые мальчишки гордятся близким знакомством с приклатнённым недорослем, который, красуясь, наврёт недотёпам с три короба о своих дерзких подвигах, так и работники Дикой бригады гордились таковым к себе отношением. Благодаря своеобразному составу, первая бригада была малоуправляема, и мастера соглашались браться за неё лишь временно, в силу каких-либо обстоятельств. С подчинёнными держались отчуждённо и холодно, работали с одним желанием – поскорей избавиться от подарка судьбы. Текучесть в первой бригаде превосходила подобный показатель и по партии, и по экспедиции, дух анархии сохранялся в ней постоянно. Но нашёлся мастер и для «дикарей», даже как бы сам вызвался. Звался мастер Порфирьев Егор Демидович. Авторитет у анархистов заслужил благодаря беде, приключившейся с ним полтора десятка лет назад. Довелось Егору Демидовичу побывать за колючей проволокой. Срок получил не за хулиганку, и уж тем более не за воровские дела. Среди таёжников воров не водится, не та среда обитания. Работал в те годы Порфирьев в дебрях Саян. Подобрались в его бригаду босяки да бывшие уголовники, не блатные, а обыкновенные башибузуки, но набравшиеся в местах отсидки специфических законов. Работнички были один краше другого, в геологоразведке люди случайные, к делу равнодушные, но не равнодушные к горячительным напиткам и азартным играм. За картами могли проводить сутки напролёт, причём игра шла отнюдь не на интерес, как обычно бывает у буровиков. Конфликты между бригадой и мастером по этому случаю возникали постоянно. Как-то сложилась ситуация, когда Егор Демидович был вынужден взять в руки нож. Ситуация возникла благодаря законам, которых придерживались бывшие уголовники, среди нормальных людей подобного бы не произошло. О тех делах Порфирьев рассказывать не любил, лишь как-то за чаркой объяснил: «Если бы я ножом не ткнул, меня бы самого ткнули. Но меня бы насмерть, а я так, жалеючи, больше для показа». Но и за малую кровь «для показа» Егору

Демидовичу дали срок. Поступок свой Порфирьев скрыть не пытался, и сам организовал доставку пострадавшего в больницу.

Благодаря пятну на биографии, «дикари» признавали Порфирьева своим, и как бы отверженным. Но, кроме «дикарей», никто, включая и самого себя, отверженным Порфирьева не считал. Жил Егор Демидович бобылём, и в основном обретался на участке. Возможно, благодаря почти постоянному присутствию на буровой мастера, не смотря на прогулы, первая бригада метры всё же давала и план, хоть и с грехом пополам, выполняла.

В вагончике в нынешнюю ночь ночевало шестеро. Валентина Матвеевна, провозившись с керном до потёмок, отложила визит в первую бригаду до утра. Кострыкин и геологиня заняли места работавших в ночь Семёна и Боталки. Геолог и стажёр устроились на верхних полках.

Масляков, перед тем как заснуть, битый час испытывал терпение соседа, бубнил о непревзойдённых качествах овса, очищающего организм от всевозможных шлаков. Окунающийся в забытьё Мезенцев так и не понял, в каких именно случаях достигается лучший эффект, – если пить настой или есть проросшие зёрна. После овса Масляков перешёл к целебным свойствам мумиё, но из последней лекции засыпающий Мезенцев усвоил лишь одно, в отличие от овса, мумиё является архидефицитным веществом.

Побудку, когда занимавшееся осеннее утро лишь проявляло контуры, устроил аккуратист Кострыкин. Надавливая языком на щёки и глядясь в маленькое круглое зеркальце в пластмассовой узорчатой рамке, Анатолий тщательно удалял механической бритвой колючую растительность, появившуюся на лице. Покончив с бритьём, продул у печки ножи, и когда сотоварищи по ночлегу покинули свои лежа, жмуря глаза, шлёпал по щекам ладонями, распространяя по вагончику запах «Тройного» одеколона.

Многолюдность вызвала у новоприбывших недоумение. Высокий парень с волевым лицом, украшенной недельной давности золотистой бородкой, которого товарищи называли Гусём, оглядел с укоренившимися во взгляде превосходством и насмешкой позёвывающих обитателей вагончика, воскликнул:

– Я уж думал, смена приехала, а тут и геологи, и трактористы. Да геологов аж двое. Матвеевна, тебя Демидыч заждался, даже домой не поехал.

Товарищи признавали Гуся вожаком, и несколько раболепствовали перед ним. Угреватый парень с широким носом тут же поддакнул:

– Чо за порядки, ей-бо! Во второй бригаде два геолога, а у нас ни одного. Кто категорию поставит, Демидыч, что ли?

– Ой, не заводись! То ли не доспал? – откликнулась Валентина Матвеевна. – Когда это было, чтоб из-за геологов наряды задерживались? Месяц только начался, всё поставлю, не егози.

Но угреватый не унимался.

– Я рабочий человек, на сдельщине, не на окладе. Заездку отработал, имею право знать, чего заработал. А вам, начальникам, пошевелиться лень, бока у печки греете.

Неожиданно для скандалистов в поддержку геологини выступил Кострыкин. Для самой Валентины Матвеевны опека решительного мужчины неожиданностью не выглядела. Анатолий не любил, когда задевали симпатичных ему женщин, а больше теля, налитая Валентина Матвеевна весьма и весьма ему нравилась. Повстречайся они где-нибудь вдали от родных весей, напористый ловелас непременно бы предпринял штурм богатой плотью крепости. Во-вторых, такой уж язвительный имел Кострыкин характер. Ткнуть носом зарвавшегося нахала или хвастуна в собственные грехи, особенно если данный имярек стыдливо обходил стороной сотворённую когда-то шкуру, было его любимым развлечением.

Сидя в независимой позе, закинув ногу на ногу, и дымя «Примой», Кострыкин презрительно спросил:

– Ты, рабочий человек, ты, когда в восемнадцатой работал, да зафестивалил на смене, о чём думал? Бригада не на окладе, – на сдельщине, а двести метров из-за тебя коту под хвост, три недели заново перебуривали. Рабочий человек! Балабон.

– Не твоё дело, – огрызнулся угреватый с вызовом, но настроение у него упало.

– Ему премию за ту аварию выписали. Скажи, Юрка, ты сколько раз в жизни тринадцатую получал? – спросил смазливый парень с волнистыми волосами.

Парня прозывали Самцом, и прозвище ему нравилось. Но привлекательность его портили лупоглазые глаза, и ярко выраженное самодовольство, читавшееся на лице. Из-за самодовольства Мезенцев почувствовал к незнакомому парню неприязнь.

Незамысловатую шутку встретил всеобщий хохот. В чужом вагончике «дикари» вели себя беззастенчиво. Гонористый Валера спасовал перед напором нахальства, и помалкивал. Гусь, а за ним все дружки его, не спросясь, наливали чай, и пришедшим Семёну и Боталке ничего не досталось. Семён, не сумев выцедить из чайника и капли жидкости, недовольно фыркнул, посунулся к умывальнику. На него недовольно заворчали:

– Ты, Сенька, кого тёрся на буровой по сю пору? Мы думали, они на мешках сидят, а они трудовую вахту несут. Передовики производства, мать вашу! Давай укладывайся, в третьей попьёшь, ждать не станем.

Боталка, по складу характера, клонившийся к более сильным, иудушкой принял сторуку зубоскалов.

– Да я ему в шесть часов говорил, давай завязывать. Дак куды там, трубы досадить надо, за пересменку скважину завалит, вот и проканителелись, – пошмыгивая, и озираясь по сторонам, взahlёб говорил он.

– Да обрасти она дерьмом, скважина эта, чтоб я из-за неё хоть час лишний здесь оставался, – отозвался Семец, поддержанный одобрительными взглядами и возгласами своих дружков.

– Ну, кто с нами, пошли. Будете так канителиться, в другой раз не заедем, – Гусь поднялся из-за стола, резким движением выплеснул остатки чая на печку.

– Тебе чо здесь, баня? – недовольно рыкнул Кострыкин, но коновод «дикарей» и ухом не повёл.

– Гуськов! – окликнула Валентина Матвеевна. – Вы на чём, на тракторе?

– Ну да, на бочке. Чо, назад поедешь? – хихикнул Гуськов. – Учти, место только наверху, на цистерне.

– Смене накажи, чтоб за мной заехали, – не обращая внимания на насмешку, велела Валентина Матвеевна. – Назад-то, кто трактор поведёт?

– Меня не колышет. Доведут, делов-то! – весело отозвался Гусь, и, минуя ступеньки, спрыгнул на землю.

Трактористов не хватало, и Невзоров, скрепя сердце, позволил перевозить вышку с точки на точку Гуськову, до курсов бурильщиков закончившего СПТУ, и имевшего удостоверение тракториста. Благодаря дополнительным обязанностям, зарабатывал более всех в бригаде, и это обстоятельство ещё более возвышало его над товарищами. В отличие от дружков, Гуськов не фестивалил и прогулов не совершал. Этому имелось простое объяснение. Работу тракториста, он ставил выше «бурёжки». Старший механик шёл навстречу, и обещал взять трактористом после Нового года, а пока недвусмысленно сказал «посмотрим». Что означало «посмотрим», было и ежу понятно. И Гусь коноводил, на выходных вёл разгульную жизнь, но держался в рамках. Правда, Невзоров строго-настрого запретил разезжать на тракторе по участку, но подобное указание Дикая бригада игнорировала.

Масляков, когда в вагончике сделалось чересчур шумно, «дикари» задирали почти всех присутствующих, неловко прохаживались на счёт геологов, ушёл к буровой, глядеть при свете переноски поднятый на новой скважине керн. Мезенцев оставался в вагон-

чике, знакомясь с обстановкой. Глядя на разухабистых парней, втихую радовался, что судьба поступила с ним не слишком жестоко, и ему не придётся с ними соприкасаться. Пока вскипятили новый чай, почаёвничали, на улице развиднялось.

Масляков слюнил палец, тёр керн, рассматривал налипшую на палец глину, близоруко подносил к носу комочки песка. Мезенцев сел на одноячеистый ящик, сидеть было низко, неудобно, и он вытянул ноги. Масляков, словно продолжая прерванный разговор, забубнил, продолжая рассматривать образцы извлечённой на поверхность породы.

– Тут золота практически нет. Россыпи находятся за водоразделом, а здесь так, жиденький ареал. Жаль, что ты не попал на детальную разведку.

Мезенцев хохотнул.

– Что, золото прямо в керне блестело? Буровики керн не растаскивали?

Масляков серьёзно ответил:

– При современных нормах промышленного содержания, золото кустарным способом не намоешь.

Беседу нарушила громкая барабанная дробь. Удары невидимых палочек набирали неимоверную частоту, сливаясь в непрерывную трель, затем звучали отдельно, с замедлением. Меняющаяся частота барабанной дроби создавала ускользающий мотив. Мотив был иллюзорным, но завораживающим. В филармоническом зале он бы не звучал, но здесь являлся необходимой составляющей. Мезенцев поднялся, скрадывая шаги, углубился в лес. От сосредоточенности, опасаясь произвести шум и спугнуть барабанщика, даже прикусил губу. Но всё же, очевидно, спугнул. Стук внезапно прекратился, и человек замер, досаду на свою неуклюжесть. Прошло несколько минут, и весёлая дробь раскатилась по тайге. Барабанщик обнаружился метров через тридцать на сухой лиственнице, задрапированной клочьями паутины и старой хвои. Пауза объяснялась переменой места, в вышине белело длинное свежее дупло. Стараясь не беспокоить лесного обитателя, Мезенцев несколько минут наблюдал, как ловко тот добывает корм, и, утолив любознательность, вернулся на буровую.

Кроме Маслякова здесь находился несимпатичный тракторист, и лениво, без интереса, задиравший участкового геолога. В отличие от Вогула, в котором, благодаря неистребимому запаху солянки, замасленной, расхристанной одежде, за версту угадывался тракторист, Кострыкин выглядел опрятно, одежда не имела специфических признаков профессии. Лоснящиеся чернотой яловые сапоги, казалось, ступали по чисто выметенным тротуарам, а не по осенней таёжной грязи. Секрет внешнего вида объяснялся просто, – для ремонтных и всевозможных работ по обслуживанию своего агрегата, Кострыкин держал специальную робу Масляков, отвечая на не услышанную Мезенцевым реплику, оторвался от керна, вынул из нагрудного кармашка аккуратную белую фланельку, протёр очки. Вопрос обсуждался в несчётный раз, и говорил Масляков с большой досадой.

– Кто бы мне дал грузчиков? Погрузка керна на участке входит в обязанности буровой бригады. Между прочим, это в СУСНе записано. Грузчики приедут с ЗИСом, когда керн через реку переправим. Будто вы в первый раз керн вывозите.

– Вот и ждём эту твою буровую бригаду. Так они и разбежались за три копейки керн грузить. Надо было сегодня с базы выезжать. Я что в путёвке напишу, объезд участка с геологом?

Тому обстоятельству, что вчерашний приезд оказался весьма кстати, Кострыкин либо не придавал значения, либо переругивался от нечего делать. Вынув из мундштука окурок, старательно заплевал, бросил на землю и с томительной скукой на задубевшем лице, продолжил пикировку.

– Хоть бы, какой толк был, керн этот вывозить. Толку-то никакого, нету здесь золота, и не было, и не терял его здесь никто.

Масляков с надсадой отвечал:

– На все работы Анатолий Григорьевич, есть нормы и инструкции. Керн с места работ должен быть вывезен, а земля, между прочим, рекультивирована.

– Да высыпь ты его в ямы на дороге, я его гусьянками раздавлю, вот тебе все удовольствия – и керн вывезем, и землю рекультивируем.

Мезенцев познавал мир, и восторгался словно мальчишка, впервые из бетонных, асфальтовых лабиринтов выбравшийся на дикое приволье.

– Странный какой-то дятел. Весь чёрный, как грач, а на голове красная коронка. Никогда таких не видел.

Кострыкин посмотрел с ярко выраженным сожалением на городского балбеса, приходящего в телячий восторг от обыденных вещей, длинно сплюнул.

– Желна это, эка невидаль, – и проворчал, подводя черту под перебранкой: – Ну, ни фи́га у начальства масла в голове нет.

Масляков, раздражённый бесконечным, тягучим спором, буркнул:

– Вам бы, Анатолий Григорьевич, в ГКЗ на сдачу проекта съездить, или лесникам участок работ сдать, вы бы по-другому рассуждали.

Из вагончика вышла техник-геолог, принялась за неоконченную работу.

Преппирательства о погрузке керна, казались Мезенцеву смешными. Эта работа, соответствующая квалификации неграмотных грузчиков, являлась частью общего дела. Причём, как не смешно это выглядело, важной частью, ибо без её исполнения ни одна комиссия не утвердит затраты на выполнение проекта. Работа неприятная, тяжёлая, неблагодарная, и все от неё отпихиваются, хотя все прекрасно знают, что исполнить её всё-таки придётся. Сидят три здоровых мужика, и, вместо того чтобы взять да сделать эту работу, рассуждают «а для чего это нужно?» Обычный приём сачков. И, движимый потребностью сделать что-нибудь полезное для общего дела, найдя выход нерастраченной энергии, предложил:

– Так давайте грузить, чего ждать?

Предлагая грузить керн, не дожидаясь бригады, побоялся, что Масляков, человек, отягчённый дипломом, презрительно фыркнет и откажется от чёрной работы, но произошло наоборот. Масляков с энтузиазмом согласился, а Кострыкин расфыркался.

– Ну, уж нет, моё дело – рычаги, а вы, если такие командиры, что скомандовать не можете, сами грузите. Так подгонять трактор?

Мезенцев, напружинившись, поднял металлические тяги, Масляков воткнул палец в сцепку, оба дипломированных инженера влезли в сани, и геолог махнул рукой, указывая в конец профиля.

«Золотой» керн из-за диаметра бурения казался неподъёмным. Первые метры укладывались в одно, последние – в трехячеистые ящики. И от тех, и от других вскоре заныла спина, отяжелели руки, тело взмокло. Погрузка вдвоём была крайне неудобной и отнимала лишнее время на перетаскивание ящиков по кузову. Кострыкин так ни разу и не вылез из трактора, лишь поглядывал в заднее окошко на распаренных, неловких грузчиков.

«Вот она, хваленная рабочая взаимовыручка, – размышлял Мезенцев. – Не переломился бы, ящики по кузову передвигать. Или он себя к рабочей аристократии причисляет, и за черновую работу братья брезгует? Наверное, не помогает, из принципа, что мы инженеры. Да ведь я ещё не начальник, такой же работяга, как и он. Это они меня на вшивость проверяют. Проверяйте, не на того напали. Я работы не боюсь, отлынивать, да прятаться не собираюсь. За собой смотрите».

Кострыкин, между тем, дождавшись погрузки керна на одной точке, переезжал на следующую. Ему и в голову не приходило, в каком иезуитстве его подозревают. Он просто выполнял свою обычную работу. Мезенцеву же всё было внове, и каждому поступку, всякого человека он искал объяснение. Погрузка керна в его глазах выглядела вроде субботника, когда все равны, все товарищи, такие взаимоотношения ему нравились. Эту работу

ему никто не поручал, он взялся за неё по собственной инициативе, то же самое и Масляков, в обязанности участкового геолога погрузочно-разгрузочные работы уж никак не входили. Подобного энтузиазма они были вправе ожидать и от тракториста, но Кострыкин был далёк от романтизации своего труда. Он был практическим человеком. Если участковый геолог собственноручно берётся за погрузку керна, стало быть, ему грош цена, как руководителю.

Они грузили ящики более часа, позволяя себе отдых лишь во время переездов с точки на точку. В тарахтенье кострыкинского трактора вплёлся посторонний звук, в котором через некоторое время без труда определился рокот другого трактора.

На перекрёстке стояла Валентина Матвеевна, предусмотрительно вышедшая на дорогу. Вскоре показался трактор с саями, на которых была установлена квадратная цистерна. Передок саней и борта облепляли люди. Выехав на профиль, трактор остановился, пассажиры горохом посыпались с саней.

– Что, идём в вагончик? Пусть Попов людей даёт, что ж мы, весь керн грузить будем? – проговорил Масляков, не задумываясь, что Попов наверняка пошлёт грузить керн того же Мезенцева.

В печке мощно гудело пламя, на плите шипел чайник. У двери густо припахивало соляжкой. Попов разговаривал с мужчиной, одетым в куртку не привычного цвета хаки, а синего. Двое, глад-ковыбритый мужчина в годах с поредевшей шевелюрой и парень лет тридцати с залысинами, переодевались. Несмотря на различия в облике, двадцатилетнюю разницу в возрасте, старший был худощавым, младший – хорошо упитанным, нечто родственное, сближающее читалось в их лицах. На лице старшего застыло выражение укоренившегося раздражения, недовольства, словно окружающий мир доставлял ему ежеминутные страдания, и которому он ежеминутно был готов дать отпор, младший смотрел на окружающий мир ускользающим, сальным взглядом кухонного правдолюбца. Пятый, толстощёкий парень с носом картошкой, добродушным взглядом голубых глаз, одетый не в геологическую униформу, а по-деревенски – в изрядно поношенный серый пиджачок в крапинку, пузырящиеся на коленях брюки, толстыми ломтями кромсал любительскую колбасу с многочисленными жиринками по розовому срезу.

– Вот, Витёк, и твой начальник, – хихикнул лысоватый, притопывая сапогом. – Инженер!

Мезенцев, внутренне поморщившись, поздоровался в пространство. Последние четверть часа он прикидывал вариант знакомства, дабы не установился невзначай барьер отчуждённости, но и не представить при этом себя навязчивым, ищущим сочувствия и благожелательности. После реплики лысоватого, подавать кому-либо руку, расхотелось.

С большинством присутствующих Мезенцев был заочно знаком. Пожилой мужчина с неприятным лицом был Николаем Шишкиным, столько раз припоминаемым, скользкий тип – его помбур Генка Костомаров, а деревенский парнишка – его собственный помбур Витя Меньшов. Попов беседовал со слесарем Василием Синицыным, прибывшим на ремонт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.